

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

МЕРТВЫЕ
ТОЖЕ СКАЧУТ

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Юля и Катя: пора браться за расследование

Маргарита Малинина

Мертвые тоже скачут

«Автор»

2007-2008, 2019

Малинина М.

Мертвые тоже скажут / М. Малинина — «Автор», 2007-2008,
2019 — (Юля и Катя: пора браться за расследование)

ISBN 978-5-699-65646-2

Вы верите в воскрешение мертвых? Вот и Катя не верила, пока не узрела воочию результат вопиющего обряда магии Вуду. Жить в одном доме с восставшим из могилы мертвецом - то еще развлечение, а уж влюбиться в этого зомби... На такое способна только Катя - смелая, страстная, авантюрная девушка, при этом не обделенная разумом, в связи с чем она не перестает гадать: что за спектакль перед ней разыгрывают? А привез ее в дом, где состоялась эта мистическая встреча, неожиданно появившийся отец, который бросил свою дочь еще совсем маленькой. Теперь ему понадобилась ее помощь: дед Кати перед смертью спрятал где-то в доме семейное изумрудное ожерелье, но оставил своей внучке подсказки, и, если она не сумеет отыскать украшение, отца убьют.

ISBN 978-5-699-65646-2

© Малинина М., 2007-2008, 2019

© Автор, 2007-2008, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маргарита Малинина

Мертвые тоже скачут

Глава 1

Я подошла к окну и уставилась через него на хмурую улицу. Небо было безрадостно серым, деревья почему-то казались грустными, а сама улица – пустынной. То есть там были люди, они сновали туда-сюда с туго набитыми сумками или мусорными мешками и глядели себе под ноги усталыми глазами, но все равно меня не покидало чувство одиночества и пустоты вокруг. Возможно, если бы вместо этих затюканных жизнью лиц я видела беззаботно играющих детей и слышала веселое пение птиц, что более соответствовало летнему утру выходного дня, понурое настроение меня бы покинуло. А так... Ничего не радовало. Даже то, что завтра мой день рождения. Раньше я любила веселиться, отмечать праздники, раздавать чуть хмельные улыбки сидящим со мной за одним столом и получать их, но сегодня я отчетливо поняла: ничего этого я не хочу. На то были причины: мой внезапно испортившийся вследствие непонятно каких внутренних гормональных перемен характер стал виной ссоры с матерью, бабушкой, возлюбленным, лучшей подругой и парой других друзей. Короче, всех, с кем я общалась по жизни. Оградив себя от своего обыденного окружения, я поняла, что отмечать праздник хочу только наедине с самой собой, в тишине, темноте и одиночестве, возле распахнутого во влажный сумрак вечера окна.

Я действительно его открыла, словно репетируя перед завтрашним днем, как это будет, и высунула свой нос наружу, но нечаянно движением локтя задела горшок, и бедный кактус полетел с третьего этажа вниз, прямо на крыльцо подъезда.

– Черт!

Выругавшись, я понеслась вон из квартиры, молясь, чтобы никто не додумался в секунду виртуозного полета колючего растения выйти из дома и умереть под ударом тяжелого керамического горшка, потому что сама выбежала из комнаты, даже не доглядев, чем увенчалось само падение; слетела с лестницы и открыла дверь, машинально зажмурившись от возможной встречи с жертвой кактуса, но таковой не обнаружилось. Поблагодарив Бога, я присела на корточки и стала собирать остатки горшка в руку, думая, а куда же деть сам кактус, который по счастью совсем не пострадал, как тут кто-то задел меня чем-то по нижней, оттопыренной части туловища.

Вспыхнув, я живо обернулась, желая наградить наглеца отборными словечками, но наткнулась на смущенно покрасневшего дядечку лет пятидесяти, хиленького, лохматого, обросшего щетиной и узенькой бородкой, наполовину седой, и поняла, что мужичок просто пытался подобраться к двери, но не рассчитал свои габариты, о которых, вероятно, думал, что они еще меньше, чем было на самом деле, и задел меня ногой, чего теперь чрезмерно стыдился.

– Простите, ради бога! – кинулся он извиняться. – Это не то, что вы подумали!

– Я ничего и не подумала, – мило улыбнувшись, соврала я, подвинувшись от двери, чтобы дядя мог наконец проникнуть в подъезд.

– Вам нужна помощь? – учтиво предложил он.

– Нет, спасибо, – моментально ответила я. Может быть, помощь мне бы и не помешала, но, во-первых, мы с мужчиной были незнакомы, стало быть, он сказал это из вежливости, во-вторых, подобным образом я отвечаю на все проявления заботы не задумываясь, в этом суть моего характера, я привыкла полагаться только на себя и, когда мне начинают давать советы либо помогать, принимаю это почти за оскорбление. То есть получается, люди считают, что без них я справлюсь с поставленной задачей хуже или вообще не справлюсь, а это ущемляет

мое достоинство. Конечно, нельзя быть такой гордой, но ничего с собой поделывать не могу. Мне часто говорят, что любовь к колючим растениям – следствие колючего характера. Не знаю, может, и так, ежеиков и розы я, кстати, тоже обожаю.

Мужчина скрылся в подъезде, я же стала бороться с болью, причиняемой колючками моим ладоням, зная, что растение нельзя оставлять здесь. Расколотый горшок десятком секунд ранее я спроварила в рядом расположенную урну. Наконец кое-как кожа приноровилась к кактусу, и мы с ним вдвоем отправились домой.

Уже поднимаясь по лестнице, я сообразила, насколько неосмотрительно с моей стороны было бросать квартиру открытой. Ну ладно, я отсутствовала очень недолго, а из посторонних вошел только один человек, да и то, может, он живет здесь, я же не всех жильцов знаю, в самом деле. Короче, паника меня отпустила, но, открыв дверь в свою квартиру, вдруг обнаружила, что я здесь не одна.

...В прихожей, совершенно растерянный, поджидал меня недавний бородатый мужичок. Кактус из моих рук повторно выпал.

– По какому праву?!.. – возмущение не дало мне договорить фразу до конца.

– Только не подумайте чего! – забубнил напуганный вспышкой моего гнева незванный гость и замахал руками. – Я звонил, никто не подошел, смотрю – дверь приоткрыта, испугался, мало ли чего приключилось с хозяевами?

– Понятно, – поставила я руки в боки, не собираясь менять гнев на милость. – Так вы к кому пришли и зачем?

– Вы Екатерина Михайловна Любимова? – робко спросил меня дядя, и мне показалось, что в случае положительного ответа он разрыдается, до того напряженным был его взгляд, а подбородок начал мелко трястись.

Почему-то мне вдруг стало жалко этого человека.

– Да, я, – ответила уже спокойнее и произнесла с намеком на любопытство: – А вы кто?

– А я... – Одинокая слеза и впрямь покатила по его лицу. – Я... Катенька... Я отец твой.

Это был удар. Удар такой силы, что, клянусь, подними я к тому моменту несчастный кактус, сто процентов выронила бы его снова.

Здесь стоит рассказать про мою семью поподробнее. Отец бросил нас с матерью, когда мне было всего три года, и с тех пор я его не видела. Поговаривали, что он снова женился и вроде бы даже завел себе еще детей. Но никто точно из нашего окружения этого не знал. Однако его отец, мой дедушка, остался с нами в трудную минуту и помогал моей маме и бабушке с воспитанием ребенка до той минуты, пока не скончался. Бабуля же моя к тому времени была в разводе и даже подбивала клинья к деду, но он остался к ней равнодушен. Впрочем, в его оправдание я скажу, что дед был абсолютно нормальным, тогда как мою горячо любимую бабуся нормальной не назовешь. Она очень молодится, требует от людей обращаться к ней лишь по имени, причем от меня тоже, то есть никаких тебе «ба» – Рита, Ритуля, Марго. Одевается и красится она тоже не соответствующе своим годам, которых ей, кстати сказать, никто и не дает. Она с тех пор меняла многих поклонников, но замуж так и не вышла.

Так вот, новоявленный папаша простер ко мне ручищи и заявил:

– Катенька, какая большая-то стала! Сколько тебе уже, восемнадцать, поди?

– Вообще-то, двадцать один завтра стукнет, – нахмурилась я. – Но это не суть важно. Зачем пришел?

– Как зачем? – расстроился мужчина, назвавшийся скромно – отцом. – Повидать тебя, доченька!

– Ой, ну ладно, – скривилась я, так как не терпела, когда меня принимали за конкретную дуру. – Восемнадцать лет не видел, теперь вдруг захотелось! Слушай, я не первый день на свете живу. Отвечай, чего тебе надо?

Мой разгневанный тон сбил папашу с толку. Он опустил руки и не то обиженно, не то растерянно надул губищи.

– Ой как-то... так сразу... Может, чаю выпьем, а? Катя?

– Не будет тебе чаю. Надо тебе что?

Мужчина совсем расстроился, присел на краешек тумбочки, сложил ладони между колен, опустил голову и, собравшись с духом, горько-горько проговорил:

– Драгоценности мне нужны. Те, что дед оставил.

– Понятно.

Я про это что-то слышала. Вроде отцу перешла по наследству фамильная драгоценность, хранившаяся до того у деда. После его смерти моего отца и своего мужа Михаила Геннадьевича мама ни разу не видела, потому не было возможности это передать. Завещание дед оформил на свою единственную внучку, так что все его три копейки и однокомнатная квартира достались мне. Отец оспаривать завещание не стал. Квартиру, в которой мы жили, вместе с дедовой мы обменяли на эти достаточно шикарные для семьи достатком едва ли выше среднего трехкомнатные апартаменты, в которых проживали до сих пор. Драгоценности тоже остались у нас, однако я часто слышала, будучи маленькой и прислоняя ухо к двери в кухню, как мама с бабушкой на тайных вечерних посиделках гадали, придет ли отец за фамильными украшениями или нет и что они станут делать в случае, если все-таки придет.

Задумчиво почесав бровь, я сказала:

– Цацки, конечно, твои, я бы с радостью избавилась от лишнего груза, отдав их тебе, но вот незадача: представления не имею, где мама это все добро хранит. Сам понимаешь, дело там было темное в связи с их появлением, вроде как наши предки чуть ли не у самих Голицыных увели их из-под княжеского носа, соответственно, никаких документов на владение этими ценностями ни у кого из нас никогда не было и в помине, поэтому мама старается держать язык за зубами.

– Конечно, доча, – улыбнулся Михаил Геннадьевич уголками губ, – я все понимаю, потому что сам интересовался этой историей в детстве. Если хочешь, я тебе могу рассказать полную...

– Не стоит! – подняла я руку, словно останавливая бегущую на меня лошадь. – Не хватало мне еще задушевной беседы с тобой, трогательных воспоминаний о твоём детстве и любопытных подробностей наших семейных тайн. Мама сейчас в командировке, она вернется через неделю, в воскресенье. Тогда и приходи.

– Нет, доча, ты не поняла! – замахал руками папаша, поднимаясь. – В том-то и дело, мне они нужны сейчас. Именно *сейчас*.

– К чему такая срочность? – никак не могла я взять в толк.

Во время двукратного произнесения слова «сейчас» гость выглядел так, словно его жизнь висела на волоске и положительный исход зависел лишь от этого самого «сейчас». А коли не сейчас, исход всенепременно будет отрицательным. Однако мне казалось в тот момент, что папаша преувеличивает экстренность ситуации.

– Понимаешь... – Он снова присел на краешек тумбы для обуви, причем в этом движении была такая безысходность, такая горечь, что я не могла уже играть роль стервозной незнакомки с собственным отцом:

– Ну что расселся в прихожей? Разувайся, идем пить чай.

– Ты какой чай предпочитаешь? Или, может, кофе?

– Ой, я люблю зеленый. С жасмином. Но, вообще, как тебе удобнее. Что такое? – испугался сидящий на табурете перед столом Михаил Геннадьевич моих взлетевших бровей.

– Да нет, ничего... – выдохнула я, потянувшись за чайником. – Просто я тоже люблю зеленый с жасмином. У нас никто, кроме меня, его не пьет. Ни мама, ни бабушка.

– А, понятно, – улыбнулся отец. Почему-то улыбки у него выходили какие-то пугливые, осторожные, будто он их украл и боялся лишний раз продемонстрировать. Неужели я так запугала его в нашу первую после стольких лет встречу? Он теперь даже улыбаться боится. В то же время, чего другого он ожидал? Он нас бросил, когда я была совсем маленькой, алименты не платил, не навещал и не присылал открытки. Как я должна была его встретить? Пасть к нему в объятия с громкими криками «Папочка пришел!»? – Мне так приятно, что у нас есть что-то общее. Я сейчас по-настоящему почувствовал себя твоим отцом.

– Зато я не почувствовала себя твоей дочерью, – огрызнулась я, однако ощутив, что внутри что-то все же дрогнуло. Действительно было что-то родное в том, что он предпочитает такой же чай, как и я. И в том, как он сморит на меня, тоже определенно вырисовывается что-то родственное и близкое. Тем не менее я не могла так быстро растаять.

Отец вздохнул в ответ на мою реплику, но ничего не ответил.

Мы стали пить чай с печеньем, и я наконец спросила:

– Ну что там за история?

Оказалось вот как. Михаил Геннадьевич Любимов сильно проигрался в карты (почему-то факт, что папаня у меня завзятый азартный игрок, совсем меня не удивил) одному человеку, а долг этот по немыслимым для меня законам чести и морали считается чуть ли не священным. Почему-то отец рассчитывал выиграть и ставил на кон то, чего с собой у него не было. Чем раньше он отдаст долг, тем быстрее оправдается в глазах ближайшего общества. Самое интересное, что денег у него на данный момент нет вообще, потому он, собственно говоря, и сел за игровой стол – надеялся выиграть.

– Чем ты себе на жизнь зарабатываешь? – прервала я рассказ хмурящегося родственника. – Только не говори, что играй!

– Ну, по-разному бывает... – смущенно отозвался он. Вообще говоря, отец выглядел очень подавленным и пристыженным. Густые брови над маленькими впалыми глазками продолжали хмуриться, точно мужчина пытался вспомнить причины, по которым пал так низко, дрожащие пальцы нервно перебирали волоски разношерстной бородки. – Я вроде как сантехник.

Я решила уточнить:

– Вроде как или сантехник?

– Сантехник, – закивал он. – Такая работа – то густо, то пусто. В поселке нашем лишь одно домоуправление, вот в нем я и числюсь. Все, кто мог, уже ванны и унитазы себе поменяли, остальным не по средствам. Последний месяц вообще – мертвый период. Кручусь как могу.

– Постой, а где ты живешь-то? – По последним слухам, папан пребывал в нашем городе. А город у нас довольно крупный, не столица, конечно, но поселком явно не назовешь.

– В Валищево. Знаешь? Сорок восьмой маршрут туда идет.

Я кивнула.

– Один живешь-то? – Его черед кивнуть. – А как же баба твоя?

– Ну... Разбежались, – покраснев, выдал отец секреты личной жизни и отхлебнул из чашки остатки холодного чая. – Уже полтора года как.

– А детей-то не нажили?

– Не нажили, – с сожалением ответил Михаил Геннадьевич.

– Ладно. – Несмотря на мое «ладно», мне было странно и даже неприятно услышать такой ответ. Все же я часто думала об отце, кто он, что он, и все время представляла вокруг него, такого большого, высокого и сильного, целую ватагу орущих детишек, оправдывая тем самым его нежелание общаться со своей первой дочерью – нехватка времени. А все оказалось не так. И он не такой. – Ну давай дальше.

А дальше ничего и не было. Он вспомнил, что дед оставил ему фамильные драгоценности, которые сбавить в такое общество, где так и крутятся барыги и бандиты, – самое благое

дело. В чем-то он прав, возникни у нас такая проблема – в банк же эти цацки не понесешь. Антикварам страшно, мало ли, арестуют еще нас за незаконное хранение такой исторически ценной вещицы (я не читала Уголовный Кодекс, но, как мне казалось, по закону эту вещь, как и клад, положено сдать государству; хотя кто же, с другой стороны, выкопанное государству-то отдает? Я вот в свое время не отдала), а больше продавать некому. И все равно, мне жутко не нравилось то, что драгоценности (кстати, я даже не знаю, что они собой представляют, но воображение рисует что-то непременно зеленое: в отличие от многих представителей слабого пола, бриллианты меня никогда не будоражили, я нахожу их приевшимися и безынтересными, тогда как изумруды поистине великолепны), так вот, драгоценности, столько поколений бережно хранившиеся в семье Любимовых, помнившие столько исторических событий, побывавшие в таких знатных величественных руках (повторюсь, про Голицыных сведения не достоверные, но тем не менее с некоторой долей вероятные) должны стать платой за игру в карты какому-нибудь алкашу... Я понимала, что никогда их носить не буду, но они реально заслуживали иной участи – как минимум радовать глаз прихожан музея в чистенькой праздничной витрине.

– А кому ты должен-то?

Почему-то мой вопрос вызвал легкое раздражение:

– Да какая разница? Смысл в том, что я должен их отдать. – Затем взгляд его помягчел, он вспомнил, с кем имеет дело – с дочерью, перед которой сильно виноват. – Катюш, пойми, это очень срочно. Этот человек не любит ждать. На меня могут обрушиться крупные неприятности. – Он подался вперед и, понизив голос, зашипел: – Возможно, даже смерть.

– Боже! – не удержалась я от восклицания. Куда он пытается меня втянуть? И куда он сам по собственной неосмотрительности вляпался? И это мой отец? Ну и ну. Честно говоря, я сама слышу в кругу знакомых и друзей самой отпетой авантюристкой, так чего тут удивляться поведению отца? Одной загадкой меньше: раньше я все время гадала, в кого же я такая уродилась.

– Дочь, мне нужна твоя помощь! Позарез! Мне не к кому больше обратиться.

Воистину, падающие кактусы – к несчастью и хлопотам! Но делать нечего. Я поднялась и пошла в комнату звонить матери.

Невзирая на нашу ссору, она ответила вполне доброжелательно:

– Да, Кать.

– Мам, тут это... Короче... ЧП.

– Само собой. Если ты первая соблаговолила мне позвонить, здесь явно без ЧП не обошлось. – Мать была совершенно права. Почему-то после ссоры первая я никогда не подхожу, даже зная свою вину. Ужасный характер, пора его менять на фиг. – Так что там?

– Там... Там... – я долго не могла проговорить это. – Отец пришел.

– Кто? – решила она, что ослышалась.

– Отец, – терпеливо повторила я.

– Чей отец?

– Мам, ну как это чей? Мой, естественно!

– Боже! – повторила меня мама и, по-моему, лишилась сознания.

– Мам! Все в порядке?

– Что он так и сказал? Отец? Так и представился?

– Да, да!

– Вот жизнь... Ну и как этот козел поживает?

– Мам, козлу нужны драгоценности, что оставил нам дед.

– Ни фиги себе! Какой на хрен камень? Камень уже положили, теперь надо асфальтировать!

– Чего? – несказанно удивилась я.

– Я не тебе, мы тут дорогу прокладываем. Вот что, пошли ты его к черту. Столько лет они ему были не нужны, а теперь нате положите! – Я объяснила ситуацию, раскрыв все видимые

причины возникновения у отца желания завладеть несметным богатством немедленно. – Так, он снова за старое! Когда я выходила за него замуж, он перестал играть, я думала, что отучила его от этой гадости! Может, он еще и пьет?

– Мама, я не знаю, пьет ли он, но я знаю, что через пару минут у меня закончатся деньги на телефоне. Давай ближе к делу. Отдаем ли мы ему ценности, и если да, то где это добро припрятано.

– Послушай, Кать, после смерти деда мы нашли только часть. Серьги и перстень. Они сейчас хранятся в ячейке на вокзале. Запомни, ячейка номер 189, код 666000666.

– Какой дурацкий код, – не удержалась я от высказывания.

– Спасибо, я сама придумала. Отдай ему то, что там есть, думаю, любой долг это покроет. Пока.

– Пока.

Появившись в кухне, я увидела весьма занимательную картину: папаша робко мыл чашки в раковине мыльной губкой. Обернувшись через плечо, спросил:

– Ну как там Ирочка?

– Велела послать тебя к черту, – громко выдала я и, пронаблюдав эффект – Михаил Геннадьевич опустил нос, предвкушая поражение, – добавила: – Но после того, как отдам тебе цацки.

Отец обрадовался, на небритых щеках появился легкий румянец.

– Спасибо, дочка.

Он начал от нечего делать потирать озябшие худенькие ручонки, я, глядя на сей процесс, вспомнила мамины слова и выдала невпопад:

– Ты, случайно, не алкоголик?

Он вздрогнул, удивившись.

– Нет, что ты. – Посмотрел на свои ладони. – Просто холодно здесь, вот они и дрожат.

Да, чего это я? На улице прохладно, а окно в комнате так и осталось открытым нараспашку. У меня и самой на ногах образовалась гусиная кожа. Надо его закрыть.

– Ладно, жди меня здесь. Я сейчас соберусь, и мы поедем забирать драгоценности.

– Ага.

Сейчас растянулось на два часа. Это все женщины так долго собираются, или я одна такая? Почему-то колготки все время рвутся в момент их натягивания, с запасными происходит то же самое, а других запасных, начиная спешить, в панике уже не можешь отыскать. Любимую юбку приходится менять на джинсы или брюки, но оказывается, что приготовленная кофточка с ними не смотрится, а остальное мягкое и нужно гладить. А что не мягкое, то не подходит к тем туфлям, которые подходят к джинсам и брюкам. А вот с юбкой и кофточка отлично смотрится, и босоножки уж очень к ней подходят, да вот беда – третьей пары колготок что-то нигде не видно. И вот приблизительно по этому же сценарию происходят все мои каждодневные сборы.

В итоге я напялила-таки джинсы и нарядную блузку в полоску, наплевав на то, что верх с низом не составляет гармонии. Ничего, туфли на шпильке положение исправят.

Дальше я начала краситься. Все, как положено: тональный крем цвета загара, черная подводка для глаз, темно-серые тени, тушь, блеск для губ... а где же он, блеск... а, вот он... но он не подходит к этим теням... а где у меня другой блеск, тот, что посветлее и порозовее?..

Отец смиренно ждал меня, сидя на краешке дивана, и ни разу не прокомментировал мои длительные сборы.

Потом я принялась пальцами распутывать свои выющиеся от природы длинные каштановые волосы. Можно, конечно, попытаться расчесать их крупнозубчатой расческой, но для этого их еще нужно намочить.

Наконец я была готова.

– Ну что, поехали?

Михаил Геннадьевич смущенно кивнул, порозовев от удовольствия (пытка ожиданием закончилась, приблизив его тем самым на целый шаг к заветным драгоценностям), и мы вышли из дома. Дождавшись автобуса, которые я терпеть не могу (особенно, битком набитые, как сейчас), поехали на вокзал, где и находились камеры хранения.

Выйдя из автобуса, направились к нужному зданию. По пути я посчитала своим долгом предупредить папаню:

– Ты поосторожнее с ними обратно уезжай. Здесь полным-полно всяких воришек, они наблюдают за вещами, которые граждане достают из ячеек, и следуют за ними до первого темного переулка.

Отец посерьезнел, подумал и ответил:

– Я тогда на такси обратно поеду.

– Правильно, – обрадовалась я его решению. Все-таки пусть драгоценности принесут такую малую пользу, как спасение жизни Михаила Геннадьевича, чем их захапает какой-нибудь ловкий прохиндей грабитель, который впоследствии решит, что это подделка, и сбавит их за сто рублей, а то и вовсе преподнесет своей второсортной даме – «мамзельке» – на день Святого Валентина. Или на другой какой праздник, что наступит раньше.

От входной двери к камерам, расположенным в полуподвальном помещении, вела старенькая лестница. Внутри было почему-то еще прохладнее, чем на улице, но возможно как раз оттого, что мы попали в подвал. Две смежные стены были заполнены стальными ящиками, кажущимися миру только свой фасад с кодовой панелью и номером, написанным от руки простой шариковой ручкой на клейкой полоске белой бумаги, защищенной на всякий случай сверху слоем прозрачного скотча.

Я стала озираться по сторонам, выискивая нужный номер или хотя бы близкий к нему, чтобы знать, от чего плясать.

– Что мы ищем? – спросил отец.

– Ячейку под номером 189.

Тут сбоку открылась дверь подсобного помещения, оттуда выплыл очень рослый худой парень лет двадцати и угодливо поинтересовался:

– Чем-нибудь могу помочь? Вам положить или забрать?

– Нам забрать, – дружелюбно отозвалась я, парень понял, что не нужен, и удалился восвояси.

Камер было слишком много, а номер был написан слишком мелко, чтобы вот так сразу, с первого взгляда отыскать то, что нужно. Где же она, сто восемьдесят девятая ячейка?

– Нашел! Вот она, – ткнул Геннадьевич вверх. – Эх, зря парня отпустили! Он бы нам достал.

Да уж. Я оглядела рядом стоящего мужчину, своего отца. Он был ниже меня, притом что я отнюдь не баскетболистка: сто шестьдесят семь сантиметров. Хотя у меня каблучки... Короче, выходило так, что доставать придется мне.

Я подошла поближе, простерла вверх руку и набрала код, едва видя сами цифры. Дверца щелкнула и распахнулась. Мы с отцом нервно осмотрелись: никого поблизости не было.

– Давай, доча! Быстрее! – подгонял он меня. – А то придут эти твои воры!

Можно подумать, «эти мои воры» только нас и ждали! Но что удивляться, я же сама его запугала по дороге.

Встав на мыски, я просунула ладонь в нутро ячейки. Пальцы нащупали ткань плотного мешочка, в котором лежало что-то округлое. Я потянула это на себя, в последний момент мешочек вырвался из руки и упал на пол. Веревочки были завязаны неплотно, потому от удара о пол оттуда выкатился золотой перстень с огромного размера зеленым камнем. Надо же, как

мне и рисовалось: изумруд! От этого дивного совпадения челюсть у меня непроизвольно отвалилась.

В этот миг подсобная дверь вновь отворилась, папаша, не теряя ни секунды, наклонился и схватил вырвавшийся из объятий жесткой ткани перстень и мгновенным движением засунул себе в карман. Но боюсь, эти действия мало что могли изменить, и парень, вышедший из подсобки, успел увидеть предмет фамильной драгоценности. Тем не менее я наклонилась и подняла с пола мешочек, в котором нащупывалось еще что-то квадратное с двумя выпуклостями, грозно на него, парня, посмотрев, мол, шли бы вы себе. Парень опустил взметнувшиеся брови на место (большой изумруд сам по себе огромная редкость, так он еще и блеснул так, что чуть не ослепил нас), затем демонстративно повернулся и вышел, поднявшись по лестнице, из помещения на улицу.

– Ну вот, – расстроился отец. Даже чересчур расстроился, по-моему, ничего такого уж страшного не произошло. – Как думаешь, доча, он все видел?

– Что – все? Падение мешочка, изумруд?

– Камень! Это очень плохо, он не должен был видеть.

– Ой, ну и что, есть у нас изумруд, подумаешь!

– Тише! – шикнул на меня папаша, приложив палец к темно-розовым губам.

Я хотела возмутиться, но здесь в помещение вошло несколько человек, приближение которых и услышал отец, и мы посчитали наилучшим ретироваться.

Уже на улице я отдала ему мешочек, Михаил Геннадьевич немножко приоткрыл его, и мы оба сунули свои носы в образовавшееся отверстие. В квадратный кусок картона были вдеты изумрудные серьги редчайшей красоты. Мы хором охнули, но я от ликующего изумления, а он от горестного недоумения. Так охает доверчивый ребенок, принявший в дар от доброго на первый взгляд незнакомца конфетку, но при раскрытии фантика увидевший, что это бутафория и никакой конфетки там нет.

– В чем дело? – полюбопытствовала я.

– Я и смотрю, мешочек небольшой. Оно бы сюда не поместилось... – говорил он как будто сам с собой.

– Что – оно? Что бы не поместилось?... Михаил Геннадьевич, ты слышишь? – потому что он по-прежнему меня не замечал, углубившись в свои мысли. Может показаться странным, что я называла его по имени-отчеству, но мне в тот час было бы, наоборот, странным назвать его папой. Я не привыкла к этому слову. Привыкну ли когда-нибудь? Да и нужно ли?

– Что? Ах, да, я слышу тебя. Катя, нам придется вернуться туда. Только выждем, когда люди уйдут.

– Но зачем?

– Должен быть еще один предмет. Он остался внутри камеры.

– Да не было там ничего другого! Все, что было, я достала. А с чего ты взял, что есть что-то еще? – Я помню, мама говорила, что они с бабушкой после дедовой смерти нашли не все драгоценности. Но мне хотелось услышать, что ответит отец.

– Я знаю, Катя, я держал все, как ты скажешь, пацки в своих руках, когда был маленький, играл с ними, тискал, рассматривал. Потом отец перестал мне их давать, боясь натолкнуть на искушение продать их. Знаешь, я был... хм... трудным подростком. Ну вот, я помню, что еще было ожерелье. Ожерелье из изумрудов. – Я присвистнула. – Да, доча, оно стоит несметное состояние, – понизил он голос.

– Но зачем оно тебе? Неужели серег и перстня не хватит, чтобы расплатиться?

– Чтобы расплатиться, хватит, конечно. Но я собираюсь отыграться.

– О боже, нет! – воскликнула я, схватившись за голову. – Ты же зависимый, как я сразу не распознала? Мама сообщила мне, что ты и в молодости любил поиграть. Как же ты не делал этого, пока жил с нами?

– Эх... – Михаил Любимов посмотрел сперва себе под ноги, затем – в небо, потом снова под ноги. Видимо, пытался подобрать слова. – Катя, есть вещи, которые тебе не суждено понять. Просто поверь, будет лучше, если фамильная ценность останется в семье. Так должно быть. Я хочу передать тебе это по наследству. Я и так ничего путного для тебя ни разу не сделал, кроме того, что дал тебе жизнь. Позволь мне хотя бы это сделать для тебя? Я хочу отдать их, чтобы потом вернуть.

Такому повороту я весьма и весьма удивилась. Отец до этого производил впечатление человека неумного и безответственного, а теперь показал совсем иные качества. Посмотрев ему в глаза, убедилась, что он был серьезен как никогда.

– Хорошо, но придется тебе смириться с тем, что этому не бывать. Видишь ли, мама сказала, это все, что они нашли. Ожерелье, видимо, дед спрятал в другом месте, либо вовсе оно куда-то делось. Это было давно, так что концов теперь не отыскать.

Отец не изменил выражения лица, точно был готов к такому ответу.

– Катя, для этого мне нужна ты. Ты работаешь где-то?

– Да, но я в отпуске, – ответила я смущенно, не понимая, куда он клонит.

– Отлично. Ты сможешь уделить своему родному отцу пару дней?

Это было неожиданным, я растерялась.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Не понимаешь? – нахмурился мужчина. – Как же тут не понять? Ты много времени проводила с моим отцом, твоим дедом, он тебя одну не оставлял, пока работали твоя мама и бабушка. Следовательно, в то место, где он спрятал ожерелье, он должен был взять тебя с собой.

Я молчала, тупо моргая глазами. Что, этот тип хочет, чтобы я искала ожерелье, спрятанное дедом? К тому же неизвестно, точно ли спрятанное, а если спрятанное, то где. Да он наглец!

Прочитав мои мысли по моему лицу, отец заговорил снова:

– Я не прошу больше, чем ты сможешь дать, Катюша. И сейчас ты убедишься. Вспомни, пожалуйста, вы часто гуляли с дедом?

– Господи, я была совсем ребенком, я не помню!

– Напрягись, подумай, – настаивал он.

– Да, мы, кажется, часто гуляли. То есть обязаны были гулять, ведь так? Детям нужен свежий воздух, потому с ними гуляют. Так как мама и Ритуля работали, подчас сразу на двух работах, следует сделать вывод, что выгуливал меня дедушка. Он не мог работать ввиду инвалидности, но получал хорошую пенсию. Я помню, это говорила Маргоша.

– Отлично. – Где-то совсем рядом загрохотала очумелая электричка, машинист нажал на тормоза, и транспорт начал медленно останавливаться, оглушив нас на некоторое время. Когда посторонние шумы притупились, отец продолжил: – Итак, логически мы установили, что дед с тобой гулял. Теперь представь, ему нужно что-то спрятать вдали от дома, но ребенка одного бросать не рекомендуется. Как он поступит?

– Возьмет ребенка с собой, – незамедлительно дала я ответ, как на экзамене.

– Верно. Все, что от тебя требуется, это вспомнить несколько мест, куда вы с ним ходили.

– С дуба рухнул? Это нереально!

– М-да, запустила мать твое воспитание... Кто ж так со старшими разговаривает?

– Надо же, первая нотация за двадцать один год! Bravo! – я саркастически захлопала в ладоши.

– Дожили... – пробормотал расстроившийся папаня. – Слушай, Кать, у меня возникла идея. Помнишь, когда у деда обнаружили астму, ему велели жить на свежем воздухе? – Я кивнула. Вроде было такое. Наверное, за это ему и дали инвалидность. Или нет? Ужас, как мало я знаю о жизни почивших родственников. – Вот, угадай, куда он отправился?

– На Тибет? – хихикнула я.

– Катя, ну при чем тут Тибет? Что за неуместный юмор? Он отправился жить... в Валищево! – выдал папаша с такой экспрессией, словно, услышав это, я должна была как минимум взорваться от счастья.

– И что? – не дождавшись продолжения, спросила его я.

– Ну как?! Он неделю жил в доме, где сейчас живу я, и что самое интересное, ты жила эту неделю с ним!

– Да-а?

Вот это да. Всем да – да. Значит, я жила неделю вдвоем с дедом в каком-то отсталом Валищево? Вот жуть.

Я устремила взор на доску с расписанием, но не видела ни букв, ни цифр. Сконцентрировавшись, мое астральное тело словно покинуло физическое и отправилось в далекое прошлое. Какие-то обрывки... Нечеткое изображение... Вот я бегаю по заснеженной тропинке, падаю в сугроб, весело хохоча... Меня поднимают сильные руки и бережно подбрасывают вверх. Я смеюсь и жмурюсь от яркого солнца и искрящегося снега. Кто же это рядом со мной? Кто только что взял меня на руки?

Концентрируюсь сильнее и вижу деда. Но место, где мы находимся, не очень-то похоже на наш город. И уж явно не двор нашего дома. Валищево? Хм, вполне может быть.

Меня дернули за локоть. Я очнулась и посмотрела на рядом стоящего.

– Кать, ты здесь?

– Да. Уже да. Так чего ты хочешь? Чтобы я поехала в Валищево и попыталась отыскать ожерелье?

Вдали снова появилась летящая стрелой электричка, и мы стали говорить громче.

– Да! Это же так просто! Воспоминание само найдет тебя! Тебе всего лишь нужно оказаться в той же обстановке, окружить себя теми же предметами!

– Ты уверен, что это сработает? – кричала я в ответ, немного сомневаясь в успехе затеянной операции. – А вдруг не получится?

– Все получится!

Мне бы его оптимизм... С одной стороны, мне жутко хотелось получить в наследство найденные драгоценности, с другой, что-то мешало согласиться на авантюру. Интуиция? Может быть. А может быть, и нет.

Папан решил меня дожать:

– Ты обязана помочь мне во имя деда! Он хотел, чтобы ты обладала этими вещами! – Электричка уехала, отец понизил громкость. – Его душа не успокоится, пока мы не найдем спрятанное ожерелье.

Я обдумала и заявила:

– Во-первых, не факт, что он что-то спрятал. Во-вторых, не факт, что я это найду. В-третьих же, если бы дед хотел, чтобы это было у меня, он был не стал прятать так глубоко, что даже мать и Марго не нашли.

– Вот именно, дочка! Здесь и зарыта корова. – Я прыснула, вспомнив себя. Я тоже частенько перевираю народные поговорки, даже Женьку, своего бойфренда, заразила. Еще одна схожесть между нами. Отец тоже улыбнулся. – Катя, а если он хотел, чтобы этой вещью обладала только ты, а? Не мама твоя, не бабка, не я, а именно ты. Он знал, что ты вырастешь, узнаешь историю и сама захочешь отыскать, а отдавать ребенку такую ценность нерационально. Как считаешь?

Я задумалась. Однако такое и впрямь могло быть! И все-таки надеяться на память трехлетнего ребенка... Не знаю, я ведь могу ничего не вспомнить.

– Я ведь могу и не вспомнить, – озвучила я свои мысли. – Почему он не позаботился об этом? Мог бы письмо оставить, что ли!

– А может, и оставил, просто не нашел никто. Тебе главное попасть в поселок и осмотреться на местности. Вдруг чего в голову придет?

А вдруг и впрямь придет? Я воодушевилась и кивнула.

– Только для начала вернемся домой, мне нужно собрать в дорогу кое-какие вещи. – Михаил Геннадьевич изобразил на фейсе выражение великомученика, вспоминая, как долго он ждал, пока я соберусь на получасовую вылазку, и боясь даже прикидывать, сколько же я буду собираться на вылазку в пару дней, я же решила подбодрить: – Не переживай, я постараюсь сложить все свои шмотки побыстрее!

– Не понял? Все-е?

– Ну! – не поняла я, чему тут можно изумляться.

– Все-все?! Зачем тебе тащить туда весь свой гардероб?

– Как это? – захлопала я глазами. – Не думаешь же ты, что я в одном и том же ходить буду! Неизвестно, насколько затянутся поиски, а отпуск у меня только начался! И кстати, покажи мне свой паспорт, а то мало ли что?

– Конечно-конечно! – совсем не обиделся подозрениям в свой адрес папахен и стал суетливо рыться в карманах одежды. – Извини, надо было с самого начала показать документы, просто я думал, что Ирка сохранила фотографии, и ты меня узнаешь.

– Она сохранила только штуки две-три со свадьбы. Но ты там в профиль и молодой... – я запнулась.

– А сейчас старый стал, да? – подмигнул мне папаня. Вышло неудобно. Ну ладно, сам наверняка знает, что выглядит довольно паршиво.

Я с важным видом чиновника при исполнении пролистала паспорт, вернула владельцу, и мы отправились ко мне домой, а через четыре часа – это я еще быстро! – дождавшись редкого сорок восьмого маршрута, поехали в Валищево.

Глава 2

Крохотный поселок Валищево встретил нас отнюдь не радушно. Мы долго топали пешком от остановки, отец нес все мои три громоздких чемодана, у меня же был еще пакетик и дамская сумка. Из всего лишь четырех человек, что встретились нам за долгое путешествие к дому номер сто тридцать три (у них даже улиц нет, прикиньте!), трое на вежливое отцовское приветствие только едва заметно кивнули, а один вообще в нашу сторону и не глянул.

Я отчаянно копалась в себе, жаждая распознать внутри хоть малюсенький намек на узнавание местности, но почему-то этого не происходило, что изрядно подрывало мой боевой дух и позитивный заряд, полученный вначале.

– Здесь много чего изменилось за эти годы, – заметил отец, поняв причину моего испортившегося настроения. Сам того не ведая, он сделал только хуже.

Я встала на дороге и обернулась к нему.

– Изменилось?! Нет, а как, ты думаешь, я искать буду?! Я же ничего здесь не узнаю, следовательно, и не вспомню!

Михаил Геннадьевич смутился.

– Ну... Конечно, и дом наш тоже изменился. То есть раньше был сарай, а я, воспользовавшись временной материальной обеспеченностью в результате крупного выигрыша, достроил его. Первый этаж утеплил, кое-что реконструировал, и достроил второй этаж.

– Мама! – театральным жестом запустила я пальцы в волосы, сдавив виски и выронив пакет. – Ты, я надеюсь, шутишь?!

– Н-нет. – Неудивительно, отец стал заикаться. Да, я сложный человек, но ко мне можно привыкнуть. Только у него не было на это времени. Пока я росла, он играл в карты, ставя на кон фамильные драгоценности. – Доча, ты только не кипитесь! Двор остался прежним! Пока я дом обустраивал, я же проверял всякие потайные углы, и ничего не нашел. Я ведь думал как: отец припрятал все ценности где-то здесь, чтобы они не попадались мне на глаза и я не мог их продать или поставить на кон.

«И все-таки ты поставил», – подумала я, но не стала говорить вслух.

– Когда в доме я не нашел, то понял, что он передал их Иринке, твоей матери. Тут оказалось, что у нее была только часть, вот я опять и вернулся к предыдущей версии. Только оставил он, видать, не в доме, а где-то снаружи. Или во дворе, или в тех местах, где вы гуляли, пока жили здесь.

– Ладно, – успокоилась я. – Идем.

Мы уже подошли к нужному дому, поэтому сдавать назад было бы глупо. Забор стоял низкий и расшатанный – здесь воров не боялись; очевидно, просто нечего красть. Сам домишко был небольшим, хоть двухэтажным, и абсолютно разнородным: очень бросалось в глаза то, что крайняя часть дома была выложена деревянными досками, выкрашенными в цвет беж, остальная же была кирпичной, но первый этаж состоял из серого крупного кирпича, тогда как второй – из стандартного красного. Это было так забавно, что я даже вполголоса хмыкнула. Однако отец услышал.

– Что? Тебе не нравится? – спросил озабоченно.

Не хотелось его обижать.

– Нет, все очень чудесно. – Видя, что мне не верят, стала сочинять на ходу: – Смело подобранная композиция бежевого, серого и красного цветов подчеркивает индивидуальность строения и неординарность хозяина. Да и вообще, эклектика нынче в моде.

– Издеваешься, – констатировал отец печально.

Только я хотела заверить его в обратном, как поняла, что на самом деле сама давно уже запуталась, когда я ерничаю, а когда пытаюсь сказать приятное, так что, вполне возможно, папан прав, и я просто уже на автопилоте высказалась совершенно в своем стиле.

– Извини, – только и оставалось мне покаяться.

– Ничего. Пройдем в дом? – предложил он, почесав руку. – Или хочешь пройти по двору для начала?

Подумав, ответила:

– Нет, сперва нужно обустроиться, а потом заниматься делами. У вас здесь все дома такие? – Испугавшись произнесенного слова «такие», поспешила уточнить, дабы отец вновь не обиделся: – Я имею в виду, на одного собственника? Многоквартирные есть?

– Да, имеются в конце поселка. – Михаил Геннадьевич вышел за калитку, чтобы показать направление. – Вон туда, Катя, видишь? В ту сторону идешь по дороге и выйдешь к ним. Парочка двухэтажных и один четырех-. В нем, кстати, расположен супермаркет. Везде построили этих «пятерочек», «магнитов», «дикси»! Вот и до нас уже добрались. Знаешь, если пойдешь туда, то смотри не попадись на обманки! Они просроченные товары на видном месте кладут, а ты дату внимательно читай. Не знаешь, лучше бери то, что на самых верхних полках лежит, там оно зачастую лучше. – Отчего-то смутившись (наверно, ему непривычно было поучать собственную уже взрослую дочь), добавил: – Это по телевизору показывали недавно. Хорошая программа, про то, как богатеи дураят простой народ.

– А у тебя дела какие сегодня, что ли? – Просто Михаил Геннадьевич говорил так, словно сам здесь жить не собирался и бросал меня одну на сражение с супермаркетом-обманщиком и играющим в прятки ожерельем Голицыных.

– Нет, сегодня я с тобой! – замахал руками папаша. – Но завтра я правда отлучусь по делам ненадолго, прямо с утра. Нужно будет отдать пока то, что есть. Так что не жди меня, как проснешься, сама спускайся, умывайся, завтракай, я тебе сегодня все покажу, расскажу... Ой! Так что мы в дом-то не заходим? – спохватился мужчина и забежал на месте. – Прости меня, растяпу! Сейчас открою замок, где ж ключи-то...

Отец нашел ключи, впустил меня в разнородное здание, которое внутри на удивление оказалось выдержанным в едином гармоничном стиле, что составляло резкий контраст с внешним обликом дома. Угловатый коридор при входе вел сперва в кухню, напротив которой размещился совмещенный санузел, затем выходил в обширную комнату, гостиную, из которой вела еще одна, но маленькая – спальня отца. А рядом с дверью в спальню внутри гостиной установили узкую, винтовую лестницу на второй этаж. По планировке он был намного меньше, там расположились только квадратный коридорчик и комната метров в одиннадцать-двенадцать. Я сразу поняла, что комната на втором этаже предназначена мне.

– А ты почему на втором не спишь?

– Да я это... высоты боюсь, – сознался родитель.

– Ну-ну...

Мало того что картежник, так еще и высоты боится. И как он ее боится, находясь на втором этаже своего дома, скажите на милость? В окошко не может смотреть? Так пусть не смотрит. Странно это.

Так вот, насчет стиля. На первом этаже обои в коридоре, кухне и комнатах были одинаковыми – нежно-зелеными с бежевыми вкраплениями. Мебель всюду была хоть и не новая, но вполне приличная, также бежевая, оттенок строго совпадал с пятнами на обоях. Ванная выложена плиткой – белой и зеленой, правда, кое-где потрескавшейся, но стиль был соблюден. Комната и коридор второго этажа, словно в противопоставление первому, красовались бежевыми обоями с рисунком в виде крупных зеленых цветов. Ночник на тумбе, занавески и покрывало на кровати тоже были зелеными, цвет идентичен цветам на стенах.

– Мне здесь нравится, – удовлетворенно заметила я, осматриваясь.

Отец просиял:

– Вот и замечательно. Пойдем поедим чего-нибудь.

Предложение мне пришлось по душе, и через минуту мы устроились за небольшим, рассчитанным на двух, максимум на трех, человек обеденным столом в кухне.

Отец накрыл на стол: поставил перед нами тарелки с картофельным пюре, достал вилки, налил зеленого жасминного чая. Во мне проснулась совесть, и я на скорую руку сварганила примитивный салат из редиса, огурцов и помидоров – все свое, с огорода.

– Ты извини за картошку, – сказал отец, когда мы сели, – ты, наверно, жареную любишь, но я почему-то предпочитаю пюре.

– Удивительно! – улыбнулась я, моргая. – Я тоже не люблю жареную. На мой вкус, вареная, тем более мятая с молоком, – самый смак.

– Правда? – обрадовался папаша, но вдруг погрузился: очевидно, не поверил моим словам, решив, что я его утешаю. Это он зря, на самом деле я про себя дивилась, насколько же мы похожи. Притом что знакомы пока всего несколько часов. Что же будет дальше?

– А какие фильмы ты любишь? – кинулась я с расспросами, поддавшись родившейся в душе дурной затее отыскать в нас еще что-нибудь схожее. Внешне мы все же не похожи, тогда, может, у нас много общих интересов и предпочтений? Мне было бы приятно об этом узнать, не знаю почему.

– Я фильмы-то не особо жалую. По телевизору только новости смотрю да документальные передачи.

– Надо же, я тоже люблю документальные фильмы! – изумилась я. – Кстати, сегодня вечером будут «Необъяснимые истории».

– Знаю, я всегда их смотрю! – пуще прежнего обрадовался Михаил Геннадьевич.

– И я! Никогда не пропускаю!

Мы рассмеялись.

Когда мы доели, я взялась мыть посуду. Любимов ушел в свою спальню, подозреваю, чтобы поспать: почему-то мужчин все время клонит в сон после обильной трапезы. Я же решила провести оставшееся до любимой передачи время с пользой.

Расставив посуду по полкам, я вышла из кухни, обулась и пошла на разведку во двор, что находился за домом. На улице было по-прежнему пасмурно, но вдруг начало парить. Видимо, к дождю. Что ж, зонт в небольшое путешествие из квартиры я с собой прихватила.

Пробираясь по узкой тропинке между грядок к центру двора, где была расположена беседка, оплетенная виноградной лозой, я пыталась сконцентрироваться на умершем родственнике. Жили ли мы здесь вместе, когда я была маленькой, как говорит новоявленный папаша? Если да, то где мы гуляли? И что мы, играя, прятали? И почему я этого не помню? Странное дело: помнить, как я сбежала в два годика из яслей и успела достигнуть близрасположенного дома, где жила, перед тем, как воспитательница меня догнала, но совсем не помнить о том, как прямо на моих небесно-голубых миндалевидных глазах дед прятал в каком-то очень укромном, таинственном и, безусловно, интересном для ребенка месте большую красивую искрящуюся штучку с зелеными камушками.

В мои размышления ворвались звуки тяжелого рока – то звонил мобильный.

Посмотрев на дисплей, я ответила:

– Да, мам?

– Ну что у вас там? Он ушел, наконец?

– Кто? Папаша?

– Кать, разве я тебя так воспитывала? – возмутилась мать. – Надеюсь, ты его-то так не называешь?

– Нет, его я называю по имени-отчеству.

– Все лучше... Ну так что там у вас?

– Я отдала ему перстень и серьги, но этого папаше оказалось мало, и он привез меня в Валищево.

– Куда?! – ошалела мать.

– В Валищево! Он здесь сейчас живет.

– Боже мой! Он привез тебя в эти трущобы, в этот прогнивший и заполненный тараканами сарай? Я-то надеялась, он давно сгорел! Или отошел бомжам!

– Мама-мама, ай-яй-яй! Между прочим, отец здесь отмахал классный ремонт, ввиду чего прогнивший сарай чудесным образом преобразился в шикарный двухэтажный особняк.

– Ой, Катя, мне твоя манера шуток шутить!..

– Я не шучу, я только немножко преувеличиваю. А в принципе, все так и есть. Правда, снаружи этот монстр является диким смешением стилей, цивилизаций и временных пространств, – сказав это, я живо обернулась на окна дома: вдруг отец все слышал? Мне бы этого не хотелось. В то же время почему? Бог с ним, слышал, значит, слышал. Продолжила: – Но внутри все очень симпатично.

– Надо же! Ремонт сделал. Ай да Мишка, – поражалась мать, – я думала, он ни на что не способен. А баба где его? Не спросила?

– Мам, какая тебе разница, где его баба?

– Да и впрямь никакой. А че он тебя в гости-то позвал?

– Не в гости. Я здесь буду жить пока.

– Что?! Зачем?

– Мам, а это правда, что я здесь жила вместе с дедом, когда была маленькой? – понизив голос, ответила я вопросом на вопрос.

– Да, было дело, – с громким вздохом ответила родительница, у которой от сообщения, что дочь переселилась под кров главного врага – бросившего ее мужчины, – совершенно испортилось настроение. – У твоего деда астму нашли. Велели жить на свежем воздухе. Валищево и тогда, семнадцать лет назад, никому на хрен не нужно было. Вот дед и поехал туда с тобой, зная, что сына там не встретит. Они ведь поругались из-за того, что отец твой нас бросил. Ну вот, дед там вытерпел семь дней, в отличие от сверстников, он был крайне городским человеком, и вы с ним вернулись.

– Значит, мне было четыре? – справилась я со сложнейшей математической задачей.

– Нет, по-моему, четырех тебе еще тогда не исполнилось. Это было вроде бы зимой. Не помню точно.

– Ладно, это не суть важно. – Я помолчала, пытаясь окунуться во внутренний мир, после сказала не то маме, не то самой себе: – Почему же мне все это незнакомо?

– А зачем тебе это узнавать? Не забивай себе голову, возвращайся в город.

– Я не могу, мне нужно отыскать ожерелье. Отец уверен, что дед спрятал его где-то здесь, пока мы с ним тут жили.

– Чего?! Этот хрен хочет, чтобы ты нашла ему оставшуюся фамильную драгоценность? Он что, спятил? Совсем обнаглел? Совесть растратил? Мораль в карты проиграл?.. – и так далее.

Мать до того увлеклась, что мне пришлось ее перебивать:

– Он заверил, что, как только отыграет с помощью ожерелья ту часть, что проиграл, он все это общим скопом отдаст мне, потому что, как он считает, эти сокровища должны оставаться в семье.

– Тебе? Он сказал, что тебе отдаст? И ты поверила? – хохотала мама. Единственное, что может вернуть ей хорошее расположение духа, – это смех над собственной дочерью, надо полагать.

– Перестань! Даже если нет, я должна ему помочь, это мой долг! Иначе его убьют!

– Да кому он нужен? Послушай свою мать, бросай заниматься всякой хренью и возвращайся домой!

Мать дала отбой.

«Возможно, она и права», – подумалось мне, но тем не менее я, убрав сотовый обратно в карман джинсов, дошла до беседки и села на одну из трех табуреток, стоявших вокруг самодельного круглого деревянного стола. Чуть поодаль виднелся мангал и сложенные на траве шампуры. Мне вдруг пришло в голову: интересно, зачем здесь три табуретки? Отец же живет один. Впрочем, наверно, у него бывают друзья. Те, с кем он играет. А можно ли их назвать друзьями? Тех, кто грозит убить тебя в случае, если не отдашь долг? Хм, вот уж не ведаю. В любом случае отцу не позавидуешь. Иметь такое окружение, так лучше вообще уйти жить в горы.

Итак, дед. Будем считать за аксиому, что он спрятал ожерелье именно здесь – так легче думается. Сразу возникают два вопроса. Первый: где он спрятал? Второй: а зачем, вернее, от кого он спрятал? От отца? Потому что знал, что тот сюда непременно вернется и захочет им завладеть? Так ценность-то фамильная, и передавалась она все чаще по мужской линии. Следовательно, отец-то как никто другой и должен был это получить, никаких братьев у него нет, он был единственным ребенком в семье. Но дед, видимо, хотел... что? Чтобы драгоценности достались именно мне? И поэтому первые два предмета просто убрал с глаз, но оставил в квартире, чтобы могли найти мама с бабушкой и, если того потребует его сын, отдать ему? Но чтобы главная ценность, ожерелье, ни за что на свете не смогла попасть в его руки?

Если так, то я совершаю глубокую ошибку, что пытаюсь найти предмет именно сейчас, когда того хочет отец. Получается, я предаю деда. Но он тоже хорош, мог бы предупредить как-то, хотя бы маме моей сказать, дескать, ежели вдруг найдете, то ни в коем!..

Есть еще одна версия. Дед опасался не собственного сына и не моей родни, а кого-то извне. Кого-то, кто охотился именно за ожерельем. Потому так небрежно отнесся к другим вещам, а эту зарыл поглубже, возможно, в прямом смысле слова. Тогда у нас вновь возникает альтернатива: тот, кто искал, уже мог найти, дед умер очень давно; в ином же случае, ожерелье продолжает томиться в одиночестве неизвестно где, но подальше от глаз людских.

Но ничего не остается, будем искать. Вернемся к первому вопросу: где оно покладено, где оно зарыто? В доме нет, отец там все просмотрел, вдоль и поперек. Мог не увидеть? В принципе, мог, но это навряд ли. Однако совсем уж скидывать со счетов эту версию не стоит. В то же время, если рассуждать логически, то человеку, приехавшему сюда, возможно, не с целью «подышать свежим воздухом» по совету врачей, а конкретно с целью спрятать ожерелье, не слишком разумно оставлять его на территории своего дома. Как говорится, если уж прятать, то прятать! Конечно, здесь, во дворе, мы посмотрим, и все же уповать на чудо особо не стоит. Искать нужно где-то далеко отсюда, таково заключение моей проникательной интуиции, спевшейся на время с железной логикой.

Все-таки я поднялась и вышла из окутанной растением беседки на волю. Справа теснились грядки с картошкой, давно запущенные. За ними, возле забора росли яблони и сливы. Успевшие созреть яблоки радовали глаз желтым и красным цветами. А вот под ногами у меня все было, мягко скажем, неухожено. Щавель вперемежку с укропом, петрушкой, осокой и крапивой. Просто прелесть!

Я наклонилась, сорвала лист щавеля и надкусила. Пожевала, покумекала, плюнула тем, что пожевала, и двинулась налево – там тоже было полно яблонь и слив, к ним прибавлялись груши, а под ногами, удивительное дело, очень опрятные грядки с помидорами, огурцами, редисом, морковью и зеленым лучком. Что ж, за этой частью сада папахен следит. Нужно ли тогда искать в этом месте? Коли грядки копались, выходит, в земле ничего не было. Реально ли, чтобы дед закопал ожерелье так глубоко, чтобы никто никогда не додумался копать на такую

глубину? Конечно, нет. Во-первых, у Геннадия Любимова не то было здоровье, во-вторых, с головой все же у него было в порядке, как я уже говорила вначале.

На всякий пожарный я походила туда-сюда меж грядок, задирала голову на ветки деревьев, но ничего подозрительного, ничего, привлекающего внимание, не обнаружила.

С чего я взяла, что предмет он закопал? Просто мне так привычнее, с зарытыми в землю кладами я сталкивалась, а вот с исчезнувшими драгоценностями – нет. «Может, продать первые вещи, серьги и перстень, чтобы нанять на эти деньги детектива, который бы стал искать последнюю вещицу, ожерелье?» – захихикала я про себя, ведь вся ценность фамильных украшений в том, что они должны находиться вместе, это один набор. Да, только дед, зная это, почему-то комплект разделил. М-да...

Мне снова стало казаться, что ничего дед не прятал. Просто оно пропало. Или его украли. Выходит, то, что чем я занимаюсь сейчас, – чистой воды поиск в черной комнате черной кошки, которой там нет. Вот это уже обидно.

Пригорюнившись, я дотопала до другой части огорода, той, где почти скончалась картошка. Присела и сложила голову на колени. Где же ты, мое ожерелье? Где ты?..

Внезапно мой скучающий взгляд выловил вдалеке что-то, не вписывающееся в общую картину. На зеленом фоне травы, у подножия дальнего дерева что-то лежало. Что-то, явно не относящееся ни к ветке дерева, ни к его плодам, а ничего другого быть там, вообще-то, не должно.

Я вскочила на ноги и быстрым шагом направилась туда.

...Белый башмачок длиной сантиметра в четыре, принадлежавший, видимо, какой-нибудь кукле Маше, пылился на траве. Неужели это... У меня сперло дыхание. Неужели это башмак от *моей* куклы, лежавший здесь с тех незапамятных времен, когда мы с дедом жили вдвоем в Валищево? И реально ли, чтобы он хранился на земле столько лет? Реально или не очень реально, однако сердце у меня закололо печально-сладкой ностальгической иглой.

Я взяла игрушечный башмак в руки, положила на ладонь левой руки и стала рассматривать. Да, он пыльный, грязный, когда-то был белым, но... семнадцать лет? Семнадцать лет?!

Тут мое внимание привлекло еще кое-что. Чуть дальше от места, где я нашла башмак, но все же довольно рядом, я обнаружила еще одну игрушку – маленького сине-красного спайдермэна – и принялась изучать. Его резиновые руки и ноги могли поворачиваться вперед и назад и сгибаться в локтях и коленях, но голова оставалась неподвижной. В мое детство, естественно, этой игрушки быть не могло, фильм появился позже. Значит, эти игрушки не мои. Но отец же сказал, у него не было других детей! Так что за ребенок оставил их здесь? И где он сам? Где ребенок?..

Глава 3

За ответом я отправилась, разумеется, не к кому иному, как к отцу. Он все еще спал в своей комнате, куда я вломила совершенно без спроса, мало того, начала его тормошить.

– М-м-м... М-м-м... – произносил он что-то нечленораздельное пару минут в процессе тряски его тела, пока не открыл глаза. – Что? Что такое? Что случилось?

– Ничего, – пожала я плечами хладнокровно. – Просто мне нужны ответы.

– Отлично! – Словно солдат, он с готовностью перешел в сидячее положение. – Спрашивай. – Я открыла рот, но тут зазвонил телефон. У меня такой мелодии не было, так что я даже не рыпнулась. – Ой, подожди малёк.

Папая поднялся и взял с тумбы поющий аппарат, прокомментировав:

– Это не звонок, это будильник. Почему сейчас? – удивленно посмотрел он на меня, как будто кто-то, кроме него, мог знать ответ. Я пожала плечами. – Блин! Доча! – бросив взгляд на циферблат, завелся папая. – Передача! Наша любимая телепередача началась! «Необъяснимые истории»!

Я не могла не рассмеяться: это было так на меня похоже! Встречи, свидания, любимые программы – все я заносила в телефон, не надеясь на свою память. К слову сказать, у меня напоминание про «Необъяснимые истории» раздалось минутой спустя – часы в телефоне чуток отстали.

Вопрос об игрушке на время отпал: не до него было. Каждую рекламу я порывалась ему рассказать о находке, но что-то удерживало. Под конец истории про телекинез я и вовсе убедила саму себя, что, пока сама не найду ответы, втягивать отца не стоит. Все-таки это подозрительно. Вообще, я никак не могла избавиться от ощущения, что все, окружавшее меня в тот момент, – крайне подозрительно.

Побеседовав с отцом об увиденном в сегодняшнем эфире, а также о других загадках – НЛЮ, Лохнесском чудовище, телепатии, оборотнях, вещих снах – за вечерним чаем и убедившись, что у нас практически во всех вопросах сходятся мнения и взгляды, я пошла принимать душ и чистить зубы в ванную, а отец занялся уборкой на столе. Поставив свою электрическую щетку рядышком с абсолютно идентичной отцовской, громко рассмеялась: ДНК – загадка похлеще всех тех, что обсуждаются в «Необъяснимых историях».

Утром, медленно пробуждаясь ото сна, я слышала, как отец внизу ходит, но не стала подниматься – было лень. Потом до меня донесся шум запираемой двери, после чего я повторно провалилась в кратковременный сон. Затем еще часик-другой понежилась в постели и только тогда встала. Умылась, выпила пустой чай, расчесалась, оделась, немного почитала и отправилась на миссию. Отец оставил мне запасные ключи от дома, так что проблем с уходом не возникло.

Выйдя за калитку, остановилась и призадумалась. Правильно ли я делаю, что ищу ожерелье за пределами дома и сада? Вчера мне мои умозаключения казались единственно верными, а теперь я уже сомневалась. Один мой знакомый любил повторять: для того, чтобы скорее достичь результата, действовать нужно сразу в нескольких направлениях. Что ж, стоит послушаться. Сегодня я здесь – завтра я там. Глядишь, и выйдет что-нибудь путное.

– Надо идти, – вздохнула я, смотря попеременно вправо и влево и стоя спиной к дому. – Надо идти.

Мы пришли слева, туда соваться снова смысла пока нет, а вот туда, направо, дорога зовет. Там, говорил Любимов, многоэтажки и супермаркет. Думается, семнадцать лет назад его еще не было и в проекте, но не все же там изменилось, вдруг что-либо навевает на меня воспоминания?

– Ну, вперед. С Богом.

Размахивая дамской сумкой, я пошлепала вверх по дороге на высоких шпильках, иногда проваливаясь в почву, где она еще не высохла после давешней череды дождей. Встреченные по пути люди смотрели на меня настороженно. Наверно, оттого, что люди были пожилыми, а я сегодня «выгуливала» новое коротенькое красное платьице и черные чулки в сеточку. Ну уж простите, старички, я всегда одеваюсь с определенным намеком: если мне нужно быть спокойной, немного меланхоличной, тогда я выбираю зеленые тона; если хочу произвести впечатление нежной умницы, но слегка холодной ко всем, кроме самых близких, – выбор падает на сине-голубую гамму; а ежели требуется придать себе смелости, активности и даже агрессии – то красный, красный, еще раз красный!

Через полкилометра дорога раздвоилась. Если идти прямо по дороге, которая немного дала крен вправо, то выйдешь прямо к супермаркету и стоящим за ним многоэтажкам. Альтернативой служил резкий поворот влево, здесь дорога была значительно уже, вероятно, даже автомобилю тут не по силам проехать. Почему-то меня туда страшно тянуло, но я решила придерживаться первоначального плана и посетить-таки супермаркет. К тому же после обеда вернется отец, вот у него и спрошу, есть ли там, в привлекшей меня части поселка, что-нибудь дельное, или это просто сплошные частные постройки в виде одноэтажных деревянных домиков, оставшиеся с незапамятных времен.

Супермаркет оказался маленьким, сразу у входа теснились тележки, но немногочисленные посетители их непреклонно игнорировали: проходы между стеллажами были до жути узкими, и с тележками ходить было бы неудобно. Я тоже решила не выделяться и взяла ярко-оранжевую корзинку, они наличествовали в руках абсолютно у всех людей, находящихся здесь, кроме разве что двух кассиров да уснувшего за столом охранника в форме.

– Приятных снов, – проходя мимо и наклонившись, язвительно пожелала я ему, тот вздрогнул, стал оборачиваться, но меня и след простыл.

Я, конечно, не собиралась особо затовариваться здесь, единственное, чего у нас дома не хватало, это чего-нибудь к чаю. Отец как-то за разговором заявил, что тоже, как и его дочь, обожает сладкое, но теперь зубы уже стали не те, что были прежде, потому предпочитает пить пустой чай или же с мягким мармеладом либо зефиром. Моя же чревоугодническая сущность не могла с этим смириться, потому видная девушка в красном мини-платье, мазнув быстрым безразличным взглядом по банкам с соленьями и бутылкам с всеразличной выпивкой, просто прилипла к полу напротив полок с тортиками, печеньем и – о да!!! – шоколадками.

– Хвала небесам! – обрадовалась было я и хотела уж сгрести их все до последней висящую на локте оранжевую авоську, но, старательно ощупав свой зад, пришла к выводу, что со сладкими молочно-шоколадными плитками пора завязывать. Нет, я вовсе не толстая, напротив, окружающие считают меня эталоном красоты и стати, и все же волей-неволей люди равняются на тех, кого постоянно видят перед глазами, в моем случае это Кира Найтли, висящая у меня дома на стене возле компьютера, не в прямом смысле, конечно, а на плакате – кадр из «Пиратов», – и моя любимая подружка Юлька, которая, к слову вспомнить, очень на первую похожа. Юля весит меньше меня на целых три килограмма, тогда как ростом выше на четыре сантиметра, что заставляет меня постоянно заботиться о своей фигуре. Итак, восемьдесят шесть шоколадок – да, я люблю считать, я ж экономист, – выложенных на полке для отрады глаз таких вот, как я, сладкоежек, сокращаем до двадцати, положенных в корзинку.

– Эх, – горестно вздохнула я, так как двадцать шоколадок мне – на один зуб, но мысли о более плотном затоваривании покидают всякий раз, когда я вспоминаю лицо одной кассирши пару лет назад... М-да... Она была потрясена до глубины души, увидев вываленные на прилавок полсотни плиток разных производителей, но еще дышала, и тогда сама не понимаю, что заставило меня попытаться получить оправдание в ее глазах за такое несдерживаемое «шоколадолубие». Обнадеживающе улыбнувшись, я сказала: «Не бойтесь, этого мне на целых три

дня хватит!» До моей радостной реплики считавшая, что я покупаю товар по поручению соцзащиты для пятидесяти детишек из малоимущих семей, кассирша упала на пол без чувств. После того случая я научилась хитрить: обхожу несколько магазинов, в каждом покупаю понемногу, штук по пятнадцать. В общей сумме выходит нормально, мне хватает.

Снова я отвлеклась от повествования. Значит, так. Вспомнив ту кассиршу, я все же отложила пять шоколадок обратно, так как про пятнадцать я уже усвоила, что это еще допустимая партия для сохранения душевного равновесия обслуживающего персонала, а насчет двадцати мне пока ничего неизвестно, и экспериментировать в месте, где я выполняю миссию, думается, не стоит.

Обернувшись, я уже хотела направиться к кассам, но подумала, что общность представлений о летающих тарелках и хороших зубных щетках еще не говорит об общности в предпочтении шоколада, и вдруг отцу мой выбор не понравится? Тогда я, скрепя сердце, вернула еще две шоколадки на полку и взяла оттуда небольшую упаковку зеленого мармелада. Просто вспомнились изумруды... Посчитала, что если настроиться на зеленый цвет, то... что? Ожелье выпорхнет из-под прилавка? Ну-ну...

Разозлившись на себя, я резко отпрянула от стойки и налетела всем весом на невысокого и щуплого рыжеволосого веснушчатого парня, проходившего мимо. В результате аварии из его корзинки вывалились чипсы, рыбные консервы и две банки энергетического напитка, покатавшиеся по полу со скоростью мяча, летящего в ворота противника, а из моей – все шоколадки.

– Ой, простите! – кинулась я извиняться, думая про себя, как легко сказать это совершенно постороннему, и как сложно – кому-то родному и близкому. Парень же рьяно брал вину на себя и упрямо пытался извиниться передо мной, хотя виновата-то была именно я. Мы просили друг у друга прощения, перебивая один другого, и никак не могли додуматься, что остановить этот словесный поединок можно лишь одним способом – простить. Затем додумались, хором сказали:

– Прощаю! – и рассмеялись.

Рыжеволосый парень со смешными веснушками, большими зеленовато-голубыми глазами и громким голосом с задорными нотками показался мне очень забавным и милым. По виду парню было около двадцати – короче, мой ровесник. Он помог мне собрать мои продукты, невзирая на то, что его пинали другие покупатели со всех сторон, и при этом умудрился заболтать меня до смерти. Самое интересное, что он так много говорил, а передать-то нечего. При этом что о нем я ничего не узнала, даже его имени. Так бывает со скучной книгой – читаешь десять страниц, тридцать, пятьдесят – а пересказать не можешь. Аллегория верна с той лишь разницей, что, в отличие от книги, с парнем этим невозможно было заскучать, и это я поняла за те несчастные две-три минуты, пока он собирал все мои нескончаемые «Милки», «Давы» и «Бабаевские». Увлечшись своей речью и моим лицом, на которое он часто поднимал глаза от пола, парень, казалось, и не видел, что именно кладет в мою корзину. Наконец он точно протер глаза:

– Ни фиги себе... Шоколад любите?

Я со скоростью звука сграбастала сладости и, спрятав их у себя за спиной, с невинным видом поинтересовалась:

– С чего вы взяли?

Он захохотал:

– Ладно, ладно! Я ничего не видел, клянусь! А вы здесь живете, или на каникулы приехали?

– На каникулы. А вы?

– Тоже. Прабабке приехал помогать. То есть даже... двум прабабкам.

– Двум? У вас живы две прабабушки? И они живут вместе? – искренне изумилась я. – Как интересно.

– Ну, одна из них является сестрой другой прабабушки, то есть фактически она мне, как это... прапратетка? Двоюродная прабабка? – Я пожала плечами, улыбаясь ему. – А, черт его знает! – весело махнул он рукой. – Чтоб не захламлять себе и ей мозги, я просто тоже зову ее прабабкой.

– Не проще ли по имени? – усмехнулась я, забирая у него мою корзинку.

Он повторно рассмеялся:

– Ну и прикольная ты! Конечно, к ней я обращаюсь по имени – баба Поля. Но родителям я сказал, что поехал к прабабкам. Не скажу же я: «К прабабушке и той, которая не то прапратетка, не то двоюродная прабабушка».

– Да, это было бы слишком запущено, – хихикнула я и собиралась уж распрощаться с рыжим парнем, как тут он, явно намекая на возможное продолжение знакомства, представился:

– Кстати, я Кирилл, – и протянул ладонь.

Назвав свое имя, я потянулась к его руке, но вот наши корзинки от этого жеста вновь столкнулись, и обе банки энергетического напитка, словно только и ждали момента, когда можно будет предпринять очередную попытку побега от незадачливого покупателя, выпрыгнули и быстро покатались по полу, с точностью повторив первый маршрут.

– Вот блин! – закричал Кирилл и кинулся в погоню. Пару раз он, притормаживая, наклонялся, думая, что уже сможет их схватить, но проворные банки ускользали прямо из-под носа, и бедный парень вновь пускался в бег. Со стороны это смотрелось так комично, что я, не стесняясь, начала хохотать, как полоумная, стигаясь пополам и держась руками за живот.

Наконец, когда ему удалось их отловить, он вернулся ко мне и с нарочитой обидой сказал:

– Смешно тебе, да?

Я хотела ответить «да», но лишь закашлялась и продолжила хохотать. Тогда Кирилл тоже рассмеялся.

– Теперь я понял, отчего на банке написано «Ягуар», – поделился он потом соображениями.

– Название напитка? – предположила я, иронически ухмыляясь и приподнимая бровь.

– Нет! – поднял он вверх указательный палец. – Скорость!

Мы стояли в кассу. Когда подошла очередь, кассир не по-доброму уставилась на тринадцать шоколадок – мне жутко хотелось пояснить: «Не бойтесь, это мне на целых полчаса!», но все же прикусила язык, – однако вышколенность заставила ее промолчать и просто назвать сумму. Кирилл не сделал попытку заплатить за меня, и я за это была ему очень благодарна. Иначе пришлось бы чувствовать себя несколько обязанной (как минимум, дать ему свой телефончик), а я люблю ощущать себя независимой.

Мы вышли на свежий воздух. Парень открыл банку и отпил.

– Хочешь? – протянул мне вторую.

– Нет, спасибо.

– А по виду не скажешь, что непьющая, – сделал он мне замечание. Ну что за наглец! Увидев выражение на моем фейсе, добавил: – Да шучу, шучу!

– Вообще-то я зашита, – не осталась я в долгу.

– А-а! Ну тогда все ясно! – Да, чего-чего, а пошутить парень явно был мастак. Мне такие всегда нравились. – Чего оглядываешься? За нами следят? – Кирилл, прикидываясь, тоже стал вертеть головой с преувеличенной настороженностью, полагая, чтобы меня насмешить.

– Кажется, мы оторвались! – по возможности задорно сказала я, но продолжала осматриваться теперь уже осторожнее, исподлобья. Действительно могло показаться, что я боюсь преследования, на самом же деле я пыталась вспомнить местность и, к сожалению, пока ничего не получалось. Что было на этом месте семнадцать лет назад? Могу лишь строить зыбкие догадки. И у кого спросить? Кирилл сам здесь новичок. А если он и был здесь в тот знаменательный год, то вряд ли в силу возраста помнит лучше меня. Нет, тут нужны старики.

Мне даже оглядываться не пришлось: впереди на скамье сидели две бабули. Мы шли по дороге, разделяющей поселок на две части. Скамья находилась по правую сторону, примыкая к чьему-то одноэтажному деревянному строению. Кстати сказать, в этой части района, в отличие от той, куда вел ранее отмеченный мною поворот, подобный дом смотрелся дико, поскольку кругом были двух- и трехэтажные частные особняки, не богатые, но все же не рухлядь.

– Ты их знаешь? – прервав сам себя (так как он все это время без устали о чем-то балаболит), поинтересовался спутник.

Блин, вот прицепился! Любопытный свалился на мою голову!

Я покачала головой и сделала вид, что бабки меня ничуть не привлекли, но шаг ускорила. Надо позволить ему проводить меня, а отделившись от провожатого, вернуться к месту. Я не боялась, что пожилые жительницы могут уйти: сдавалось мне, место выбрано неслучайно, и дом за их спинами – это их же владение, так что, во-первых, торопиться им совершенно некуда, во-вторых, даже если что – постучусь в дом. Для этого, конечно, нужно придумать какой-то важный, правдоподобный повод, но пока волноваться об этом рано. Глядишь, повезет – и можно будет просто-напросто завести необременительную уличную беседу, в результате которой при определенном умении могут всплыть необходимые мне сведения.

– Катя, ты мне нравишься, – сознался рыжеволосый парень, сильно покраснев. – Но тебе не неприятно, что я тебя провожаю?

Он словно что-то почувствовал. Нет, мне не было неприятно, но действительно сейчас бы я предпочла оказаться одна.

Я посмотрела ему в глаза и мило проворковала:

– Нет, что ты. Конечно, нет.

Он еще больше зарделся и не смог боле глядеть мне в лицо. Мне эта стеснительность показалась настолько умильной, что я едва не разрыдалась. С одного бока, это всегда приятно, когда ты кому-то нравишься, с другого же, если твое сердце при этом принадлежит другому человеку, становится как-то стыдно и не по себе, а по последней фразе было видно как ясный день, что двадцатилетний пацан в меня, увы, начал влюбляться. Но, может, обойдется?

Так как он теперь молчал, говорить пришлось мне. Я что-то рассказывала – уже не помню что, – стараясь быть милой, но больше своей в доску подружкой, чем романтической барышней, готовой принять ухаживания.

Слава богу, мы прибыли на место. Я резко остановилась, потому как еще не привыкла к месту, где живу, и сама толком не знала, пришли мы или же нет, пока не разглядела табличку с крупными цифрами «133» на доме.

– Ты точно здесь живешь? – удивился он, ибо я затормозила слишком резко, за секунду до этого, казалось, собираясь пройти как минимум еще пять километров. А может, еще почему, поди разбери.

– Да, точно. Ключи видишь? – достала я их из сумки и повертела перед его носом. – Ладно, мне пора, а то отец придет, надо еще что-нибудь на обед приготовить.

– А вы вдвоем живете?

– Да.

По-моему, он слишком много успел обо мне выяснить, пора удаляться. Не попрощавшись, я мгновенно влетела в калитку и побежала к дому.

Прошло три минуты (я считала, включив в мобильнике секундомер). Приоткрыв дверь дома, стала вглядываться через щели в дощатом покосившемся заборе. Вроде нет никого. Тогда я заперла дом и вышла в калитку. Воровато обернулась по сторонам – никого.

– О'кей, – сказала сама себе и скорым шагом отправилась вверх по дороге. Проходя мимо развилки, снова ощутила внутри себя какой-то укол. Но нет! Если уж я решила обследовать

сперва ту местность, то ни одна сила не заставит меня раньше времени приняться за эту часть деревни, уж так я устроена: как решила – так и будет.

О чудо! Старушки все еще сидели на лавочке.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я, придав своему лику елеиную улыбочку до самых ушей.

Обе сперва напялили свои тортилообразные очки плюс двадцать в старомодной роговой оправе, внимательнейшим образом меня изучили вдоль и поперек и сверху донизу, затем хором отозвались:

– Здравствуй, доченька.

– Вы не скажите, это хороший магазин? – сказала я первое, что пришло на ум, ткнув в высовывающуюся меж деревьев отдаленную вывеску «Супермаркет».

– Так ты же сама оттуда, деточка? – изумились пожилые женщины.

Вот так вот, я ведь оттуда. И что теперь?

– Я имею в виду, по сравнению с другими. Я в нем была сегодня, но что-то цены не понравились.

– Так ведь с пакетом шла, – укоризненно заметила одна, мол, ври да не завирайся.

Я напустила в голос побольше жалостливости:

– Так ведь дома долго не была, приехала – кушать нечего, что поделать, купила!

– Да, – кивнула вторая. – Это ты права, внуча. Государство знай себе цены повышает, а пенсии нет, и живи, бабка, как хошь! Точно хотят они поубивать нас, ироды, чтобы землю не топтали.

– Да, дорогу молодым, – закивала первая.

– Да что вы, – отмахнулась я с видом перебежчика из одного лагеря в другой. Зря, мол, вы меня в партию «государство» записали, хочу быть в «старушках деревенских». – У нас на фирме тоже срезали ползарплаты. Как жить, не знаю.

Мои поползновения на дружбу были вознаграждены: лица бабок сразу подобрели, одна даже сделала попытку подвинуться на сиденье, чтобы я заняла место рядом с ней, но я показала жестом: нет, что вы, сидите-сидите, я постою.

– А ты, чай, из какого дома будешь-то? – проявила она интерес.

– А я из сто тридцать третьего. К отцу приехала, – прибавила я пояснения, но мой ответ вызвал странную реакцию: женщина, уже было соблаговолившая перезаписать меня из касты врагов в противоположную, тут же сморщилась и демонстративно отвернулась, из чего я заключила следующее: папаню моего здесь не больно-то жаловали. Почему, хотелось бы знать? Вроде не депутат и не бандит. – Он сантехником работает! – на всякий случай заявила я, а то вдруг они нас с кем-то спутали, но тут же испугалась: а ну как он у бабки слив унитаза к стиральной машинке подключил? Да ну, нет. Вряд ли в сем домишке имеются такие излишки. О, рифмой сказала! Часто у меня это выходит.

– Ха, сантехником! – язвительно усмехнулась та, поворачиваясь к моему лицу. – Картежник он!

Почему-то этот язвительный тон вызвал внутри меня всплеск бурного негодования. Да как она смеет! Какой бы он ни был, но он мой отец!

– Он что, вас обыграл? – не удержалась я.

Сморщенное землистое лицо налилось агрессивным красным цветом.

– Ах! Да как ты... – Бабка плюнула мне под ноги, поднялась и резво поколесила домой, в хату. Зато вторая... рассмеялась! И громко так, заразительно, что я еле сохранила серьезное лицо. Но это был не последний сюрприз. За моей спиной неожиданно раздались аплодисменты и крик:

– Браво!

Глава 4

Обернувшись, я увидела... Кирюху! Обалдеть можно!

– Обалде-еть... – растянула я, повторив свои мысли. – Ты откуда взялся, родимый?

– Что-то ты подозрительно поспешно от меня избавилась и слишком уж заинтересованно глядела в эту сторону, пока мы шли. А когда я, затаившись, увидел, как ты сызнава выходишь из дома, поглядывая по сторонам... тут уж я не выдержал и решил последовать за тобой, прости! Всему виной мое исключительное любопытство!

– М-да... Только не говори, что это и есть твои прабабки!

– Нет, что ты, они живут в старой части поселка. Знакомся, баба Клара, бабушка моей однокурсницы Дианы.

Вот так. Однокурсница Диана. А я-то, блин, придумала, влюбился он в меня! Ага, щассс! Что ж, тем лучше.

– А вот и сама Дианка, – показал рыжеволосый Кирилл на соседний двухэтажный дом, более модернизированный, чем тот, в котором скрылась предыдущая бабка, откуда действительно выбежала девушка наших лет, высокая, довольно плотная, с длинной русой косой, не то в дачном платье, не то в домашнем халате. Короче, в чем-то длинном, цветочной расцветки и на пуговицах. И коса до попы, и фигура, и одеяние – все вписывалось в избитый стереотип «настоящей русской девы». Странно в нашем-то супермегасовременном двадцать первом веке такое диво встретить. Где ж они учатся-то, хотелось мне больше всего спросить, но я сдержалась. Видно, на каком-нибудь факультете истории Древней Руси. Сильно хотелось дать ей в руки испеченный в русской печи каравай или все десять расписных матрешек, сложенных одна в другую, но, увы, у меня их с собою не было.

Дианка, радостно улыбаясь, прискакала к нам чуть ли не на одной ноге и ласково обняла Кирилла.

– Кирка! Когда приехал?

– Да вот два дня как.

– Че сразу не зашел? – Тут взгляд ее больших зеленых с отсутствующим макияжем глаз устремился на мое довольно красивое (особенно с макияжем, снова будь он помянут) лицо. – А, понятно! Не до меня было! Это твоя невеста?

Нет, ну что за отсталое чудо? Кто ж так говорит? У меня даже бабуля (извиняюсь, не бабуля – Марго) употребляет в своей речи такие продвинутые западные определения как «бойфренд» или «лавер». Однако отсюда, как ни крути, вытекает, что она ему просто знакомая, в лучшем случае – подруга, но никак ни «гёлфренд».

Ох, видели бы вы Кирилла... Бедный так раскраснелся, что даже веснушек не стало видно. Никогда я не встречала прежде, чтобы так краснели.

– Да нет, это... Это... Ну то есть... Мы только... В общем, она... Как бы сказать... Она просто... Хотя не просто... Мы сегодня...

– Катя, – пришла я ему на помощь, представившись самостоятельно.

– Ну-ну, – ухмыльнулась девица и пошла себе дальше, не забывая иногда скакать.

– У вас очень жизнерадостная внучка, – поделилась я наблюдениями с бабкой Кларой, проводив дитя цветов хватким взглядом.

– Да, это сегодня она такая... Даже странно... Вчера бы на нее посмотрели! Все убивалась по нему, я думала, не вынесет любовной муки, руки на себя наложит. Ой, как боялась за нее, но вроде, тьфу-тьфу, оклемалось дитя.

– А что случилось? – заинтересовалась я чужими страстями. Что-то у меня жизнь скучная в последнее время, хоть про других послушать – всё отрада.

– Да влюбилась она в одного... бандюка. Девка-то простая, глупенькая, наивная, если по-вашему. А он... гад... Откуда только взялся на нашу голову? Быстро ее привязал к себе. Она привела как-то знакомить, я как глянула – боже! Как есть бандюк!

– Ну что вы так? Может, просто с виду показался. Надо же не по внешности судить о человеке, – позволила я себе сделать пожилой тете замечание.

– Да не, бандюк! Точно говорю тебе, как есть на духу – бандюк! Вона его и Кирюша видел! Я обернулась через плечо: Кирилл выразительно моргнул, мол, да, так и есть.

– И что же стряслось? Обманул и бросил?

– Нет, Бог не довел до позора. – Бабушка перекрестилась. – Помер он. И слава Богу!

Нет, ну как это слава? Умер же человек! Никогда я не постигну старческую логику.

– А как он умер? – почему-то этот вопрос показался мне весьма занимательным. Хотя что удивляться? Расследования убийств – моя стихия. Мы с Юлькой любим это опасное дельце, эх жаль, что мы с ней в ссоре. Придется самой разбираться. А может, и ну его, расследование. У меня сейчас иная миссия – ожерелье деда.

– Подстрелили. Говорю ж – бандит! Тока так их и убивают.

– Ну не скажите, – опять заспорила я. Такова моя беспокойная натура. – Бывает, и честных граждан убивают из огнестрельного оружия, допустим, при ограблении. Или дебил обколотый – просто так, ради забавы.

Баба Клара сморщилась и отвернулась от меня, совсем как недавно ее подруга. Видать, женщина не любила, когда ей перечили. Сказала, бандит – значит, бандит! Ладно, мне и вправду не стоило сомневаться в ее словах, теперь вот потеряла важного свидетеля.

– А когда это случилось? Ну, убийство? – надеясь, что еще не все потеряно, вновь пристала я.

Однако бабка тут же забыла про обиду (возможно, она просто обернулась на морковь-капусту в огороде поглядеть) и ответила вполне доброжелательно:

– Дня три минуло.

Странно. И как же Диана так быстро оправилась, ежели любила? Поди, и не любила. Чего тогда бабка переживает? Поплакала два дня, соблюла приличия, и будет. Зачем носить траур, когда вокруг столько парней, к примеру, однокурсник?

Постояв немного молча, я решила, что пришло-таки время переходить к насущному:

– А вы знаете людей, что давно здесь живут?

– Нет, доча, – покачала она седой головушкой, чем конкретно меня расстроила: столько времени слону под хвост. – Я, чай, всего год здесь и обитаюсь. Сын местечко прикупил и выстроил дачку, – кивнула она на дом, откуда и выходила Диана.

Далее бабка переключилась на тему запредельной стоимости площади земельного участка и строительства на нем жилищного объекта, мол, она как могла отговаривала сына тратить деньги на лишнее, вполне-де обошлись бы тем, что имели. Это все мне было уже неинтересно, и я категорически распрощалась. Это явно не тот след, он не приведет меня к тому, что ищу. Но девица Диана мне почему-то залегла в душу, всю дорогу до дома я только и делала, что о ней думала. Все-таки ее поведение казалось мне довольно странным. Пришлось остановиться на том, что все люди имеют странности, кто-то больше, кто-то меньше, потому что Кирилл не дал мне продолжить размышления, начав разговор.

– Вижу, тебя страсть как занимают убийства. Ты что, в полиции работаешь?

Жуть как не хотелось объяснять свой подлинный интерес (ну как я скажу, что просто люблю расследовать убийства? Сочтет пациенткой всем известного заведения), потому я просто «угукнула».

– Наверно, интересная профессия?

– Когда как. Слушай, а ты где живешь? – срочно поменяла я тему.

– В смысле, вообще? В Первопрестольной живу я. С мамой и папой. На свои личные палаты пока не накопил.

– А учишься где?

– В МГУ, – обыденно ответил он, как будто по сто раз на дню это говорил. Однако что Кирилл, что его подруга Диана совсем не походили на студентов этого многоуважаемого университета, по крайней мере внешне. Насколько я могу представить, люди там должны учиться стильные, возможно, даже «выпендрюидные», явно не простачки. И если на квартиру Кирюха денег не наскреб, кто, спрашивается, за учебу платит?

– А на каком факультете? – продолжила я допрос.

– Факультет современной поэзии, – хитро улыбнувшись, дали мне ответ.

– А есть такой? – усомнилась я.

Кирка забежал вперед и повернулся ко мне лицом, вынуждая свое тело идти задом, чтобы можно было поглядеть мне в лицо. Его собственное тем временем излучало радость пополам со смущенным трепетом.

– Конечно, есть! – сказал он громко и покраснел. Наверно, испугался, что я поверю, и выйдет, что он меня обманул.

– И чему же там учат? – уже совсем недоверчивым тоном продолжила я несерьезный диалог.

– Известно чему – стихи писать. У меня это выходит на раз, – щелкнул он пальцами. – Вот тебя увидел, и сразу стих родился. Слушай:

*Я вижу дивный в тебе свет,
Что в мире лучше его нет.
Ты в отраженьи посмотри,
Идет он прямо изнутри!*

Ну как? Дальше пока не придумал, но время есть. Жди!

– Буду ждать, – заулыбалась я. – Спасибо, мне очень лестно. А вот и мой дом.

– Запомнила-таки? – сказал он странным тоном и, попрощавшись, удалился.

Когда я обернулась через плечо, застала такую картину: провожатый... бежал со всех ног. Если человек бежит, тому всегда имеются две причины: первая – бегут от кого-то, вторая – бегут к кому-то. Впрочем, есть еще третья: человек – спортсмен и совершает тренировку. Что же из перечисленного заставило Кирилла поработать ножками? Первое? Неужели он меня боится? Чего тогда стихи читал? Любопытный кадр, однако.

В кухне обнаружили следы отца: недопитая чашка чая, вскрытый пакетик мармелада, который вместе с кипой шоколадных плиток я выложила на стол за те три минуты, что ждала, когда на безопасное расстояние успеет уйти Кирилл, перед тем как посетить старушек, и записка вот такого содержания: «Дочка не скучай. Мне снова нужно по делам. Прийду за полночь возможно завтра утром. Прими гостя».

Почему-то спервоначала меня поразили грамматические ошибки в письме (приходилось признать, что сантехник и картежник Михаил Любимов не имел представления, как пишутся слова «приду» и «полночь», и пропустил пару запятых), а потом уже до меня дошло, что сегодня к нам кто-то заявится, и отец желает, чтобы я «приняла» гостя. Каким это образом? В смысле, накормить-напоить да спать уложить? Ой, что-то мне не шибко улыбается встретиться нос к носу с малознакомым типом, наверняка из компании веселых игроков, да еще и остаться с ним вдвоем на ночь в доме, так как папаша «прийдет» только по утру.

– Жуть. Зачем я это делаю, а? – вслух спросила я себя.

Не зачем, а ради кого. Ради близких людей, и больше даже ради деда, чем ради отца, которого я практически не знаю.

– Это мой долг, – ответила сама себе, постаравшись, чтобы это звучало убедительно, и принялась за готовку: как ни крути, а гостя придется кормить, чтоб с голодухи не помер, ожидая отцовского прихода.

Нажарила картошки (это я пюре люблю, а гостю, поди, чтоб хрустела нужно, не иначе), отварила сосисок, найденных в морозильной камере холодильника и неизвестно с какого века тут хранившихся, настругала нехитрый салат. Ничего, насытится как-нибудь. Ежели что – яичницу себе нажарит, а с меня пас, в кухарки я к вам не нанималась.

Я немного почитала в спальне на втором этаже и решила вернуться к своей миссии. Вот такой я человек: не могу, не умею и не хочу сидеть без дела. Итак, что мы имеем? Участок я осмотрела, и без видимой пользы: вместо ожидаемого ожерелья из изумрудов я нашла невыясненного происхождения детские игрушки, вернее, игрушку и часть от игрушки – башмак. Разыскать старожилов и пообщаться с ними на данный момент не удалось. Короче, за сутки результат – ноль. Да, хорошая работка!

Вообще, немножко обидно, что отец действует по какому-то своему плану и меня в него не утруждается посвятить. Куда он отлучился с утра? Почему, вернувшись, не дождался меня и снова ушел? Что за гость обязан сегодня пожаловать? И (взглянув на часы) почему еще не пожаловал? Уже почти вечер, а если он должен приехать ради какого-то дела, то это обычно делается не ночью. Да, отца все равно нет, но гостю-то неведомо. Или ведомо, и он решил явиться позже, чтобы застать хозяина дома? Зачем тогда Михал Геннадич предупредил меня относительно его прихода?

Ладно, это все мы еще успеем выяснить. Сейчас же следует заняться домом. Как говорится: доверяй, но проверяй. Пусть я использовала это выражение в несколько несвойственной ему интерпретации, и все же резон определенно был: бывает так, что один человек чего-то не видит, даже пытаясь отыскать это месяцами, а второй заходит и – бац! – с лету, подобно фокуснику с его шляпой и зайцами, достает то, что нужно. Просто Любимов всего лишь человек, и ему свойственно ошибаться. Авось мне больше повезет.

С этими умозаключениями я спустилась вниз и принялась за обыск жилища, даром что опыт у меня в данных вещах имелся богатый. Решив начать с кухни, я целенаправленно вошла в дверь и, наклонившись, откинула в сторону половик: обычно в кухнях бывает подпол. Вот тут меня ждал неприятный сюрприз: подпол действительно имел место, но вход в него был... замурован. То есть по контуру квадратной крышки входа выделялась полоса темно-серого бетона. Понимая всю бессмысленность действий, я все равно попыталась приподнять ее, конечно, безрезультатно. Думая о том, что обязательно спрошу отца, зачем он оборудовал подпол, если собирался его впоследствии замуровать, я вернула половик на место и обследовала стены. То же самое проделала с остальными помещениями. В общем, ремонт был добротный, стены и пол выровнены, аккуратно заклеены обоями или заложены плиткой, ничего, похожего на тайник, не обнаружилось. К несчастью, эта пустая трата времени отняла много сил, и я поднялась к себе, чтобы отдохнуть.

Пока тело отдыхало, мозг сосредоточенно работал. Ежели ни в доме, ни в огороде ожерелья нет, то где оно? Куда дед мог спрятать? И правдивы ли отцовские домыслы о том, что Геннадий Алексеевич ездил за город не по совету врача, а с определенной целью? Мне кажется, ничего не мешало ему спрятать драгоценность в другом месте, не в Валищево.

– Что я делаю здесь? – в который раз спросила я себя.

Ладно, все равно у меня отпуск. А отпуск, как советуют психологи, нужно проводить, сменив привычную обстановку, тогда отдых оказывается более плодотворным. Опять же свежий воздух, знакомство с новыми людьми, в частности с родным батюшкой...

С кровати меня заставил подняться звонок мобильного, забытого в сумке на стуле возле лежбища. Это снова была мать.

– Ну что, Кать? Поиски продвигаются?

– Да как сказать...

– Этот старый хрен помогает тебе?

Удивившись, отчего это мать называет Любимова старым, коли сама приходится ему почти ровесницей, но себя пожилой отнюдь не считает – скорее всего, это просто фигура речи, – ответила:

– Нет. Он куда-то укатил, оставив мне записку. Кстати сказать, с ужасными ошибками. В кого ж я грамотная тогда, в тебя, что ли?

Мама удивилась.

– С ошибками? Слушай, совсем он мозги свои пропил, козел!

– Мам, он вроде непьющий...

– Ага! Все они непьющие, мать их! – раздраженно заявила маманя, чья вера в здравомыслие противоположного пола давно приказала жить, засим отключилась.

Через пару минут я ей перезвонила и спросила про Ритулю.

– Бабка твоя зажигает, как всегда. Весь санаторий на уши поставила. Вчера вечером на танцах из-за нее пять старичков передрались, точно молодые коршуны! Вот скажи, старые пни, а все туда же!

Я рассмеялась. Бабуля еще и не на такое способна.

– Сама-то чего?

– Сама говорит, они для нее слишком старые, ей помоложе подавай. Кстати, могла бы утихомирить свою гордость и сама ей позвонить!

– Посмотрим, – обтекаемо ответила я и попрощалась.

...За окном было мрачно. Солнце скрылось, на землю опустился густой туман. Туман... С ума сойти, как будто в Лондоне живем. Яблони на этом фоне смотрелись устрашающе, их тонкие ветви, словно руки скелетов, тянулись в разные стороны, создавалось впечатление, что еще немного, они дотянутся до окна второго этажа и сомкнутся на моей шее, прекратив мое существование на этом свете. Я поежилась и перевела взгляд на забор: из окна частично просматривалась главная дорога и край калитки. Сначала я равнодушно мазнула глазами по улице, собравшись уже отвернуться от окна, как тут мой взор внезапно наткнулся на такое, но я вся похолодела внутри. Какая-то темная фигура неподвижно стояла слева от калитки и **смотрела прямо на меня**, в окно второго этажа. В сгустившемся тумане казалось, что ее глаза светятся каким-то злым, потусторонним огнем. Фигура, судя по всему, принадлежала женщине, хотя я не могла сказать с полной уверенностью.

Я отпрянула от окна и залезла на кровать с ногами, начав трястись всем телом. Глубоко вдыхая и выдыхая, сумела слегка успокоиться. Все-таки что она мне сделает? Я внутри – она снаружи. Да, калитка хлипкая, открыть ее не представляется задачей уровня агента 007, однако дом заперт на два крепких замка, на окнах первого этажа решетки. Бояться положительно нечего.

Поразмыслив таким образом, я вновь поднялась и осторожно, шаг за шагом, приблизилась к окну. Фигура за это время даже не шелохнулась. Насколько я могла судить с этого расстояния, одежда на ней была длинная, до пят, и свободная, что-то вроде спадающей воланом черной юбки и бесформенной блузы темного оттенка. На голове повязан платок. Даже учитывая бесформенность обмундирования и невысокий рост, женщина выглядела очень худой.

– Да что же это такое, а? – прислонила я ладони к шевелящимся волосам. Свет в моей комнате не включен, как она, черт ее подери, может знать, что я здесь?! Почему же она смотрит именно на меня?..

Я отошла от окна и на еле гнувшихся ногах стала спускаться вниз с намерением прекратить все это. Что же, она так и будет здесь стоять целую вечность? Я была уверена, что не смогу уснуть, зная, что она там. К тому же меня не покидало странное ощущение, что она хочет,

чтобы я к ней вышла. Что она *зовет меня*. Чепуха, конечно, но проверить это можно было лишь одним-единственным способом.

Зайдя в кухню, я выдвинула ящик и достала средних размеров нож – на всякий случай. Фигура в просторном одеянии не выглядела враждебно настроенной, все же в ней была та необъяснимая таинственность и мистичность, заставляющая людей впадать в панику похуже, чем от встречи с опасным преступником. К тому же этот светящийся взгляд... Впрочем, мне могло и померещиться.

Подойдя к входной двери я замерла и сглотнула. Итак, нож в руке, осталось только повернуть в замке ключ.

Я отперла сперва один замок, потом, еще раз сглотнув, другой и вышла во влажную туманность улицы. Фигура маячила впереди, и почему-то я не могла сказать, такая же она застывшая, как была до этого, или все-таки что-то в ее позе изменилось. Она так зачаровывала, что я не могла размышлять объективно.

Я делала боязливые шаги вперед, спрятав нож за спиной, а фигура, по-моему, не шевелилась. Но теперь мне казалось, что она смотрит уже не на окно, а на меня, на мое приближение. Я снова не почувствовала агрессии, потому продолжила идти на сближение. Наконец я вышла за калитку и, оказавшись в трех шагах от фигуры, подняла на нее глаза.

Вблизи женщина не казалась такой уж страшной персоной. Да, одежда была странноватой, и платок этот никак не котирировался с ее молодым, очень смуглым лицом. Вглядевшись, по очевидным особенностям черт я определила, что девушка – мулатка. Не совсем стандартные персонажи в этом поселке перестали меня удивлять, потому я поздоровалась.

– Здравствуйте, – приятным голосом отозвалась девушка лет двадцати пяти, и я мысленно рассмеялась сама над собой: ну как можно было ее так бояться? – Извините, если напугала, – словно прочитала она мои мысли. – Вам это покажется странным, но я не просто так пришла к этому дому. Но я здесь с добрыми помыслами, так что ваше оружие вам не понадобится. – Я ойкнула. Как она разглядела нож у меня за спиной? Или не разглядела? Или она просто *знала*, что у меня нож? – Мне нужно поговорить с вами. Итак. Я потомственная ведунья, как сейчас это называют – экстрасенс. Мой прадед жил на Гаити и был известным бокором.

– Кем? – не поняла я.

– Он занимался магией Вуду, – пояснила она. – Конечно, связь с темными силами не проходит просто так. Он очень мучился перед смертью, наконец, когда сумел передать свой дар моей бабке, отошел. С тех пор ясновиденье передается у нас по материнской линии. И до седьмого колена это будет нашим даром и проклятием одновременно.

– Для чего вы мне это рассказываете? – изумилась я такой откровенности со стороны совершенно незнакомого человека.

– Меня зовут Азаза. Меня здесь знают все, так что простите, что сразу не представилась, привыкла. Можете поспрашивать местных, все ходят ко мне за советами или лечиться. Я умею исцелять.

– Я здорова, – со свойственной мне язвительной грубостью перебила я странную девушку, так как разговор уже начал мне порядком надоедать.

Она тихо улыбнулась.

– Да, я знаю. Но дело не в этом. Со многих я беру деньги за консультацию, вам же я просто дам совет. Мне было сказано это свыше. Я должна помочь вам.

– Но мне не нужна помощь, – как обычно ответила я раздраженно, но вдруг осеклась: а что, если барышня ведает, куда дед ожерелье припрятал?

– Мне велено просто передать, поступайте как хотите. Первое. Вы должны уезжать немедленно, пока еще не случилось непоправимое. Второе. Вам нужно бросить гадать на картах. Если вы вламываетесь в потусторонний мир, то и он сможет вломиться в ваш. И тогда добра не ждите.

– Вам же можно гадать, – стала я пререкаться, наплевать на вежливость. – Почему это мне нельзя?

– На мне проклятье, – прикрыв на миг глаза, как если бы ей тяжело было это говорить, ответила девушка. – Я ничего уже не могу исправить. А игры с этим могут довести до беды.

– Слушайте, Азаза. На мне тоже проклятье, мне одна женщина передала карты со своей смертью. Вам ясно? Спасибо, конечно, за попытку помочь, но чему быть, того не миновать. К тому же я не боюсь трудностей, я умею постоять за себя. До свидания.

Развернувшись, я отправилась обратно в дом.

Вдгонку молодая прорицательница кричала:

– Еще можно успеть! Истекают последние минуты! Вам нужно бежать отсюда! Пострадает невинная душа! – но я дала себе обещание ее не слушать.

... Чего только не бывает в жизни! Еще одна сумасшедшая на мою голову! Будут еще мне указывать, что мне делать!

Поедая ужин, я продолжала тихо бушевать. Со стороны могло показаться, что мне не нравится еда, до того сморщенным было мое лицо, но просто я была занята внутренним монологом ругательного содержания.

Достали!! Пусть еще кто-нибудь попробует мне сделать замечание, я их всех в порошок сотру! Вот так вот.

Выпив чай, я уселась в зале смотреть телевизор, для того чтобы отвлечься от неприятных мыслей. По всем каналам (я имею в виду, по всем, что ловила антенна, то есть по пяти хорошо показываемым и по трем, транслируемым с горем пополам) шла какая-то фигня. Наконец я дождалась комедии с Джимом Керри и, настроившись на веселое времяпрепровождение, откинулась на спинку дивана. Вот тут-то все и началось. Все то, о чем пыталась предупредить меня полусумасшедшая Азаза.

Громкий, угрожающий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть. Ну и силища у того, кто стучится в дверь ко мне. Никак Илья Муромец пожаловал.

Я нехотя отправилась открывать, так как было понятно, что это не отец – у него ключи имеются, – а тот самый загадочный гость, которого я жду уже битых семь часов. Интересно все же, что это за человек и как он выглядит? Сейчас узнаю.

Поколдовав над замками, я распахнула дверь и... застыла на месте, мечтая умереть сиюминутно и безболезненно. Уж чего только мне не удалось пережить на этом свете, но так страшно, как в то мгновение, мне не было никогда.

... На фоне густого вечернего тумана вырисовывалось существо, некогда бывшее человеком. Высокое, с мертвенно бледной кожей, красными глазами и жгуче-черными волосами, ниспадающими на почти прозрачные щеки по обе стороны от прямого пробора. Ноздри прямого, аристократического, чуть заостренного носа хищно раздувались. Губы были серовато-лилового оттенка. Черный праздничный фрак, воротничок когда-то белой сорочки, архаический галстук-бабочка, черные брюки, лакированные дорогие ботинки – все было покрыто комками влажной почвы. Ей-богу, как будто это существо восстало прямо из-под земли, даже нос мог уловить едва ощутимый запах затхлости и разложения. Потому я и назвала его не человеком, а именно существом. Самым жутким было то, что в районе грудной клетки у этого субъекта наблюдался большой кровавый овал – рана, от которой никто не смог бы выжить. Вывод напрашивался один: передо мной... зомби.

Глава 5

Я не могла пошевелиться. Зомби своими красными глазами гипнотизировал меня. Я ожидала, что сейчас он приоткроет рот, а оттуда вылезут длинные острые клыки, он накинется на меня и станет жадно пить мою кровь, а я буду жива до тех пор, пока он не поглотит ее всю, до последней капли, пытаясь хотя бы пошевелиться и ощущая, как жизнь постепенно, секунда за секундой, меня покидает. Не знаю, почему я представляла себе именно эту картинку. Все-таки кровь в фаворе только у вампиров, а никак не у зомби. Но, может, он вампир? Или и то и другое в одном флаконе, два по цене одного?

– Так и будешь пялиться? – совершенно равнодушно бросил субъект человеческим голосом, грубо посторонил меня и прошел внутрь, обдав ледяным дыханием.

Странно, ждала я совсем не этого. Что же это получается? Он живой? Человек? Почему ж он так выглядит? С маскарада, что ли?

Я шумно отдышалась. Он же, и не думая оборачиваться, чтобы хоть как-то меня приободрить, завернул за угол, очевидно, нацелившись на кухню или гостиную. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

«Существо» замерло посреди зала, беспомощно оглядываясь вокруг себя: на коридор, откуда он пришел, на лестницу вверх, на диван, где я давно, еще в прошлой жизни, сидела, откинувшись, и смотрела телевизор.

Обернувшись, бросил:

– Какое число сегодня?

От его голоса веяло такой же северной прохладой, как и от всего облика в целом. Вам могло подумать, что он произносил фразы с чувством, со смыслом, с каким-либо выражением, но это было не так. И реплику «Так и будешь пялиться?» и нынешний вопрос гость произносил так, словно не вдумываясь в смысл, словно диктовал несвязанные друг с другом слова и словно ему было все равно, что на это ответят, да и ответят ли вообще.

Я все же ответила:

– Тридцать первое июля, – и тут же спохватилась: – Ой!

– Что? – опять эта бесстрастная речь. Точно не «что?», а «ну и что».

– У меня сегодня день рождения, – поделилась я, прекрасно осознавая, что погоды ему мое заявление, естественно, не сделает. – Надо же, я и забыла совсем. Бывает же такое... А вы откуда, собственно?

Я внимательно следила за выражением лица. Оно слегка преобразилось: возникла легкая тень вдумчивости, брови только успели устремиться навстречу друг другу, но не прошло и секунды, как они уже вернулись в первоначальное состояние, придав лицу уже привычное сходство с белой застывшей маской.

– Я не помню, – ответил таинственный зомби.

– Не помните? – удивилась я. А, ну конечно! Амнезия! Это как-то объясняет его неадекватное поведение. – У вас кровь на рубашке. Вас ранили? – Уж не знаю, как я решилась спросить. Но не спрашивать было еще страшнее. А так возникала маленькая надежда на то, что всему найдется разумное объяснение.

Гость постоял молча, затем медленно-медленно перевел лицо вниз, на грудь. Никак не прокомментировал.

– Дайте я посмотрю, – настаивала я. – Вдруг что-то серьезное?

Он продолжал хранить отстраненное молчание. Тогда я потянула руку к его рубашке, но на полпути он с несвойственной для мертвяка резкостью остановил мою ладонь своей. Я вскрикнула: его рука была мертвенно-холодной.

– Вы простудились? – пробормотала я, глядя на свою ладонь: казалось, на ней остались изморозь и легкий ожог. Ощущение было, будто я окунула руку в снег и продержала ее там пару минут.

Конечно, заданный мною вопрос был лишен всякого смысла. Одно дело, был бы на улице минус, другое, когда там пусть не жаркое, но все же лето. Почему он такой холодный, Господи, почему???

– С вами все в порядке? – Блин, голос дрогнул. Но он не мог не дрогнуть сейчас.

Гость помолчал, прошелся неторопливой поступью до дивана, занял мое недавнишнее место, только тогда подал голос:

– Где Михаил Геннадьевич?

– Вы не ответили на мой вопрос. Почему я должна отвечать на ваш? – недоброжелательно сказала я. – Между прочим, вы находитесь на чужой территории, ведите себя соответственно, будьте так любезны.

Несмотря на внешнюю жесткость во время произнесения этой речи, внутри у меня все вибрировало. Разговаривать с зомби в таком тоне! Где это видано?

На призрачно белом лице дрогнули губы: субъект пытался улыбнуться.

– Храбришься... – констатировал он факт опять же бесстрастно. – Сядь, не бойся. Я не сделаю тебе ничего плохого. Мне нужен твой отец, только и всего. Ты спрашиваешь, что со мной? Это вопрос не по существу. Хочешь получить более или менее внятный ответ – придется его конкретизировать.

– Конкретизировать?! – вспыхнула я и топнула ногой. – Вы в своем уме? Да взгляните на себя – что это за маскарад?! Выбеленная кожа, ледяные пальцы, фрак из позапрошлого века, на сорочке кровь, глаза красные, как у вампира! Чего вы добиваетесь? Напугать меня? Не дождетесь!

Вот уж какой реакции не ожидала! Гость... удивился. Посмотрел на свои ладони, потрогал одежду, огляделся в поисках зеркала (все эти действия он проделывал медленно, как бы смакуя), но не нашел. Оно висит в прихожей, видимо, мужчина просто не заметил, когда мимо проходил. Кстати сказать, если бы цвет лица был нормальным, а глаза не красными, то мужчина, которому на вид можно было дать от двадцати семи аж до сорока, мог бы претендовать на звание привлекательного кадра, даже красивого. Прическа а-ля Джонни Депп очень шла к его квадратному лицу, смягчая слишком выступающий суровый подбородок с милой ямочкой. Для полного счастья только не хватало мне влюбиться в зомби, блин. Хотя какой он зомби? Мыслит, разговаривает. И, конечно, сейчас все объяснит.

Мужчина действительно поднялся и направился в ванную комнату, наверняка чтобы обнаружить там свое отражения и понять, что же меня в нем так напугало. Я, как собачка, опять потопала за ним, стараясь не отставать. Не хватало еще сказать «гав-гав» и завилять хвостом.

В ванной тоже висело зеркало, над раковиной. Не такое большое, как в прихожей, но и этого хватило позарез. Мужчина громко ахнул. Аллилуйя! Впервые гость проявил какие-то чувства.

– Теперь я понимаю, почему вы так на меня смотрели там.

– Ага! Добавьте еще вечерний сумрак и туман. Здесь-то вы не так страшны. Ой, извините, – поняла я, что ляпнула совершенную глупость.

– М-да... Я-то, наоборот, думал, что вы... – он замялся. – Неважно.

Я так и вспыхнула. Он посчитал, что я была сражена его красотой! Вот негодяй. Между прочим, это мужчины обычно передо мной теряют дар речи. Да и я покрасивее, чем он, мужчин встречала. Взять хотя бы моего парня Женьку. То есть бывшего парня. Эх, как бы мне с ним помириться... Вот найду ожерелье и вернусь к нему с повинной, наплевав на греховную гордыню!

Холодный, рассудительный голос ворвался в мой мозг:

– Вы извините меня за такое эффектное появление, я никак на это не рассчитывал. Понимаете, холодные конечности у меня от рождения, это из-за вегето-сосудистой дистонии. В глазных яблоках, очевидно, полопались сосуды, у меня это часто проявляется после очередных провалов в памяти. И почему я валялся в земле, в связи с вышесказанным фактом я ответить, простите, не смогу.

– Провалов в памяти? – переспросила я. – И что, часто это с вами бывает?

Хвала небесам, зомби оказался человеком, и страх к нему сразу же улетучился. Азаза просто дура и не полусумасшедшая, а реально сумасшедшая.

– Да, – подтвердил он, оборачиваясь на меня, так как раньше смотрел на хозяйку дома через отражение в зеркале. – Еще в детстве мне поставили диагноз сомнамбулизм. Я мог проснуться стоящим на крыше дома в другом городе и не вспомнить, как я там очутился. – Было приятно, что этот загадочный мужчина наконец-то открылся и доверяет мне личные сведения, потому я внимательно, с замиранием сердца слушала. – У родителей столько мороки со мной было. Потом эти ночные кошмары перенесли и в дневную жизнь. Бывает, что я на пару суток теряю память и не могу выяснить, что я делал в течение этого времени. К сожалению, это неизлечимо, врачи только руками разводят. Вот сейчас, к примеру, пару часов назад я очнулся аж на кладбище! Оттуда, видать, и земля. Что я делал до этого, я не помню. Поэтому спросил про число. Мне чудилось, что сегодня еще двадцать восьмое, но, придя в себя, я сумел достать из памяти только то, что у меня назначена встреча и что я должен прийти сюда. Однако я, получается, пришел не раньше, а вовремя, как и договаривались, тридцать первого. Так где отец?

– Вышел. По делу, будет поздно. – Без перехода сказала: – У вас кровь.

Он потрогал нужное место.

– Странно. Она уже засохла. Возможно, это даже не моя.

– Снимите рубашку и сможете это проверить, – ответила я и, чтобы он не подумал, будто я говорю это, дабы иметь возможность пронаблюдать его топless, поспешно ретировалась из ванной в кухню.

Дурдом какой-то! И какие дела у моего отца могут с ним быть? Я механически перебирала на столе чашки, ложки, тарелки, только чтобы дать работу рукам, иначе, чувствую, они бы дрожали. Мне отчего-то жутко не нравилось нахождение гостя в этом доме. Я тут же одернула себя: отчего-то? Ха! Оттого что он походит на персонажа фильма ужасов. Он точно сошел со страниц готических рассказов о сверхъестественном. Но сейчас мне ничего не остается, как ждать возвращения отца, и уж у последнего требовать объяснений. Зомбоидный Депп не вызывает пока никаких агрессивных настроений, кажется, он добивается только мира, стало быть, придется его как-то здесь терпеть. Вот если бы он вел себя непристойно, угрожал, ругался или еще чего, можно было бы... что? Вызвать по мобильнику полицию? А в какое отделение звонить, я же сейчас фиг знает где, в каком-то Валищево? Попытаться выставить его? Не знаю, сумею ли я справиться со спятившим трупом. Так что оставалось признать, что покладистость готической личности мне только на руку. Пока во всяком случае. С другой стороны, если бы его вообще не было, тогда все шло бы проще, но это уже из серии «если да кабы», от меня тут ничего не зависело. Да и находиться с ним наедине мне случится лишь до утра – и в то в самом крайнем случае. После пусть папаша с ним возится.

– Есть готовишь? – индифферентно сказал он, словно это его совсем не касалось.

Я вдруг поймала себя на том, что поставила на разогрев сковороду с жареной картошкой.

– Да. Вы, наверно, голодны?

– Нет, – сухо ответил он и вышел.

Вот так странность! Чего же тогда спрашивал, скажите на милость? Нет, определенно меня эта деревенька доконает. Попадались мне уже необычные села с еще менее обычными людьми, но такого набора чудес, как здесь, я, пожалуй, еще не встречала.

– Чудеса, – повторила я вслед за своими мыслями и выключила картошку: даже тень аппетита в свете данных событий не могла и думать, чтобы посетить меня.

Поднявшись к себе, я легла на кровать поверх покрывала и принялась размышлять. Когда долго общаешься с каким-то человеком, независимо от твоей воли он накладывает отпечаток на твоё поведение. Вот и сейчас мнительная настороженность, более присущая моей закадычной подружке Юльке, завладела моим рассудком всецело и отдала приказ не спускаться в ванную комнату. Конечно, как любой уважающий себя человек, я обязательно принимаю душ перед сном. Вот, казалось бы, кто нюхать меня ночью будет? Ладно раньше Женька нюхал, а теперь... Эх. Но упрямый организм, привыкший к роскоши, уюту и чистоте, гнал меня под душ. А разум твердил обратное: как можно самовольно становиться уязвимой (а нагие, да еще и с ограниченными в силу льющейся прямо на голову воды слухом и зрением, мы всегда уязвимы, с этим согласятся все), когда в доме посторонний, и не просто посторонний, а очень подозрительный посторонний, а задвижка на двери держится на добром слове?!

Произошел раскол личности. Физическое тело мечтало помыться, а ментальное твердило, что этого делать не стоит. Астральное в голосовании участия не принимало. Наконец разум выдал идею о том, что, если гость окажется примитивным маньяком (конечно, определение «примитивный» к этому человеку применить нельзя, даже обладая здоровой потребностью претендовать на оригинальность, тогда скажем так: «если гость окажется необычным маньяком, но с вполне обыденными маньячными потребностями – избить, изнасиловать или убить, или и то и другое и третье»), то пострадает-то в первую очередь именно физическая оболочка, способность мыслить отпадет лишь со смертью. Тут уж и душа подключилась, заявив, что быть изнасилованной таким чудищем не от мира сего – это глубинная душевная травма («Нет, а быть изнасилованной не чудищем – это что, не травма все равно?» – примечание разума) на всю оставшуюся жизнь, и тело под этим тяжелым гнетом вынуждено было отступить. В итоге я переоделась в ночную сорочку (спать голышом опять-таки отговорил авторитетный интеллект, тело в этот раз и пискнуть не посмело) и улеглась в постель.

Целых полчаса ничего не происходило. Я мирно лежала в постели с потушенным светом и желала себе побыстрее отойти ко сну, и снизу сперва все было тихо, но вот, где-то с полуночи, стали происходить странные вещи. С первого этажа начал доноситься непонятный шум. Страшно было не то, что доносится шум (не спится гостю), а то, что шум именно непонятный. Но я стала усиленно убеждать себя, что он, допустим, просто пошел поесть (потому что звуки, если у меня все в порядке со звукоориентацией, распространялись именно из кухни; правда, нет-нет да и перемещались кратковременно в зал), в то же время начала ворочаться интенсивнее, окончательно лишившись всякой надежды на сегодняшний сон.

«Уж не ожерелье ли он ищет?» – заговорил ехидный разум, я так и подскочила на ноги. Постояла, постояла и снова легла.

Убью Юльку, когда вернусь. Ее вечная борьба с нематериальным внутренним голосом, отличающимся наивреднейшим нравом, всегда вызывала во мне скептическую ухмылку, а то и издевательский смех. А теперь получается, я и сама стала с ним общаться, приблизив себя тем самым на один шаг к пациенту с веселым диагнозом шизофрении. Даже если гость ищет ожерелье – пусть. Не слепые же мы с отцом, чтобы пропустить то, что сможет найти случайный человек?

Случайный ли?

Хм, не знаю. В любом случае, вряд ли новый постоялец прибыл именно за этим. Даже если он является тем субъектом, которому отец должен денег, то разумнее с его стороны просто сидеть и ждать, когда вернется дебитор и отдаст требуемое, а не искать это самостоятельно.

Что же он тогда делает там?..

Я продолжала вслушиваться. Осторожные шаги... Скрипнула дверь кухни... Шаги... Звон стекла или еще чего-то, возможно, хрусталя... Передвинули стул в гостиную... Снова

шаги по коридору... И вот он опять: какой-то неясный пшик, а затем – тихий-претихий шелест. Что это?

Привыкнув к постороннему шуму, я улеглась поудобнее и уже начала проваливаться в сон, как тут произошло нечто из ряда вон выходящее, заставившее меня не только забыть о сне, но и повторно вскочить с постели, замерев в ужасе посреди комнаты.

Вернувшись в гостиную, человек со странностями подошел к лестнице и... стал подниматься по ступенькам, достаточно громко, то есть совершенно не скрывая своих намерений! Ужас состоял именно в намерениях: что ему нужно? Зачем он поднимается? На втором этаже, не считая предбанника, только моя спальня. Что ему может здесь понадобиться?!

Так, спокойно. Он решил спросить у хозяйки, где... хм... скажем, вилки. Или тарелки. Или чашки. Поесть захотел-таки. Или, может, ему вздумалось проверить, что находится на втором этаже дома. Однако, на первый десяток взглядов, мужчина не показался любопытным. Скорее он производил впечатление человека, у которого в крови отсутствует даже намек на любопытство, оно полностью вычеркнуто из его ДНК. Вывод: подниматься на второй этаж гость может только с конкретной целью. И я не могла придумать с какой. В этом и был весь ужас.

Шаги приближались. Скрипнула последняя ступенька (я знала, что это была именно последняя, верхняя, ступенька, потому что только она одна и скрипела), дальше мужчина пошел к двери моей комнаты по гладкому паркету.

Что же делать, Господи?! Что делать?!

В растерянности я забила под кровать, чувствуя себя пугливым ребенком, которого беззаботная мама оставила одного в комнате с выключенным светом и которому в связи с разыгравшимся здоровым детским воображением почудился кто-то страшный и злой в шкафу. Оставалось только крикнуть во все горло: «Ма-ма-а!!», но на то, чтобы этого не делать, у меня мозгов, слава этому миру, хватило.

В тусклом лунном свете, льющемся из окна, расположенного напротив входа в комнату, было видно, как дверь медленно, но в то же время без каких-либо колебаний открылась во мрак предбанника. Я различила слабые очертания высокой темной фигуры в дверном проеме. Боясь подать хоть какой-то звук, я перестала дышать.

Тень замерла на пороге. Затем послышался спокойный, прохладный голос:

– Девушка, где вы?

По моему дрожащему телу прошелся холодный сквозняк. Или это я все-таки рискнула выдохнуть?

– А вам-то что? – не замедлила я показать свой характер из-под кровати, уговорив себя не трястись со страху. Если бы гость хотел причинить мне вред, он не стал бы говорить: «Девушка, где вы?»

В воздухе завибрировало удивлением. Фигура шевельнулась, вроде бы наклоняясь.

– Вы там, что ли?

– Там – это где? – продолжила я ворчать, лежа на полу.

– Под кроватью. Что вы там делаете?

– А вам-то что? – возмутилась я, повторившись, и выбралась из укрытия: оставаться там было глупо, укрытия на то и нужны, чтобы прятаться, а ежели мое местопребывание уже обнаружили, какой смысл там оставаться? «Не обнаружили, – поправила я. – Ты сама выдала его с потрохами». Ну ладно, включив свет, он бы без особых проблем отыскал меня самостоятельно.

– Вы что, там прятались? – спросил гость недоверчиво.

– Нет, конечно, – фыркнула я высокомерно. – От кого мне прятаться-то? Я никого не боюсь. Вот, ночнушку потеряла.

Гость помолчал, видимо, разглядывая меня в лунном свете. Наконец констатировал:

– Она на вас.

– Ну да, нашла и надела. – Он все еще меня разглядывал. – Вы что хотели-то? – не выдержала я.

– Пойдемте, – вздохнул бывший зомби, разворачиваясь к выходу.

– Куда?! – обалдела я.

– Пойдемте, – повторил он. – Вниз.

– Да? Ну, э-э... Подождите, я оденусь.

Пауза.

– Нет необходимости.

Ей-богу, я б решила, что он издевается, если бы, повторюсь, он не произносил реплики так отрывисто, так неэмоционально. Конечно, он вовсе не заигрывал со мной. Иначе бы тон хоть как-то изменился.

– Нет уж, извольте выйти. Или я никуда не пойду, – безапелляционно заявила я, и он вынужден был отступить. – Дурдом какой-то, – ворчала я, выпроводив гостя на лестницу, включив свет и поспешно одеваясь. – Совсем он спятил, что ли...

Одетая, я вышла из комнаты. Мужчина, бросив на меня беглый равнодушный взгляд, молча стал спускаться по лестнице. Почему-то он был совершенно уверен в том, что я безропотно за ним последую. Что ж, так оно и было, чуть погодя, я действительно последовала за ним, приказав себе притрунить вспышку бешенства. Через пять ступенек он спросил:

– Вас как зовут?

Додумался-таки!

– Екатерина. – Я ждала, что он представится, но он этого не сделал. Через семь ступенек, догадавшись, что ждать этого не имеет смысла, поинтересовалась: – А вас?

– Валерий. – Когда мы ступили на пол гостиной, добавил: – Мертвицин.

Я оступилась и едва не дрепнулась. Как часто я сталкивалась с тем, что фамилия как нельзя лучше подходит человеку! Широковы, Толстые отличались немалыми габаритами; Сукины, Сучковы, Гадюкины были людьми с тяжелым характером; Рябовы имели проблемы с кожей, а Небогаткины жаловались на отсутствие лишних средств. Я не говорю, что это правило, но довольно часто с этим сталкиваюсь. Сама вот Любимова – и действительно, если уж я люблю человека, то кидаюсь в это чувство с головой, а меня любят, как правило, чаще, чем я. Уж в фамилии дело или в привлекательной внешности, не ведаю. Подруга Юлька у меня Образцова, и образ жизни ведет такой, что всем стоит на нее равняться. Короче, понятно. Так вот, я ничуть не удивилась, узнав, что Валерий носит фамилию Мертвицин. Только вот мне стало еще более не по себе, еще более жутко и тревожно, вот почему я споткнулась на ровном месте.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, я глянула в центр комнаты и ахнула. Прямо посреди помещения стоял накрытый стол: белая скатерть, бутылка вина, бокалы, пустые тарелки и столовые приборы. Но главный сюрприз состоял отнюдь не в этом. На столе, комод и журнальном столике красовались разномастные подсвечники с зажженными свечами, и их было столько, что включи я люстру с тремя семидесятиваттными лапочками – она не сделала бы погоды, позорно потерявшись на фоне пляшущего пламени многочисленных свечей. Вот что за пшик был! Это Валерий зажигал спичками свечи, а потом они трепетно потрескивали, что, в общем-то, и продолжали делать по сию минуту.

В зале было так непривычно светло, что я даже отчетливо различила мелкие пятна на потолке из-за то ли невнимательности, то ли неопытности, то ли – что более вероятно в нашей стране – халтурности ремонтников. Интересно, кто помогал отцу с отделкой помещения? Не один же он справлялся, наверно.

Я переместила направление взгляда с потолка на рядом стоящего мужчину. Что все это значит? Неужели он хочет принести меня в жертву, а свечи, стол – это все неотъемлемые детали для проведения данного ритуала?

– Что это значит? Что вы задумали? – спросила я напряженно.
Валерий прошел вперед и обернулся, показав рукой на стол театральным жестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.